Я твой монстр

Автор:
Елена Звёздная

Я твой монстр

Елена Звездная

Она – «тихая» и «скромная» представительница преступного мира (в смысле тихо и скромно пристрелит, если что), готовая использовать любые методы для достижения цели и играть не по правилам.

Он – по-настоящему плохой парень, своих врагов предпочитает закапывать (в смысле не любит оставлять следы преступлений), идеальный, безукоризненно прекрасный, окруженный предателями и убийцами монстр, которому просто плевать на все правила.

В их жизни нет места для любви, но что-то явно пошло не так с первой встречи.

Елена Звездная

Я твой монстр

© Звездная Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Все, что мне было известно о Ятори до этого задания, – уроженкой данной планеты являлась Лея Картнер, специалист S-класса, одна из талантливейших переводчиц языкового управления и… единственный провал в карьере Сейли Эринс. Последнее вызывало торжествующую усмешку. Сама Сейли Эринс и так облажалась! Кто бы мог подумать, что воспитанница Багора не выполнит задание. Еще год назад никто, но сейчас…

Провалу капитана Эринс лично я была рада. Более чем. Сейли бесила. Непогрешимая, неуловимая, непреклонная и опасная до такой степени, что большинство представителей преступного мира старались держаться от нее подальше, и я в том числе. Причем всех это более чем устраивало: у нас были свои сферы влияния, у военных – свои.

И все было шикарно.

Было.

До того момента, как Исинхай перешел на госслужбу, сместив Багора, главу разведуправления Гаэры и став объектом ненависти для всех тех, кому Багор был больше чем начальником, больше чем руководством, кому он стал практически семьей… Для таких, как Эринс.

И жизнь дала трещину. Моя, всех подчиненных нашему королю преступного мира, но самое страшное – дала трещину жизнь самого Исинхая. А потому мы не роптали. Не было обвинений, претензий, лишних вопросов, – мы приняли его выбор и его решение и теперь старательно пытались подстроиться, одновременно страхуя своего шефа изо всех сил. Мы любили его так, как только можно любить человека, подарившего тебе желание жить. Вернувшего тебе желание жить. Сделавшего твою жизнь значимой.

Как Багор для своих, так и Исинхай для всех нас был намного больше чем просто шеф.

Больше чем можно описать словами.

Он был нашей семьей.

А сейчас под него активно копала Сейли Эринс, и она была далеко не единственным специалистом S-класса, нацеленным на устранение человека, ради которого я все еще жила. Далеко не единственным. Багор вырастил многих, он умел делать из хороших спецов – лучших. Тем страшнее было осознавать, что всем нам, тем, кто искренне переживал за Исинхая, рано или поздно предстоит схватка с опаснейшими профессионалами разведуправления.

Мы знали, что борьба будет не на жизнь, а на смерть, и не верили в благополучный исход этого противостояния до тех пор… пока сама Сейли Эринс не облажалась. И Эринс, и Гэс, и даже ассы. О, это была шикарная новость для всех наших. Не то чтобы мы злорадно торжествовали по данному поводу, но… осознание того, что S-класс далеко не так безупречен, как было принято думать, окрыляло.

Мы собирались драться. И у предстоящей схватки больше не было привкуса безнадежности.

Мы стягивали силы, внедряли своих в государственные системы безопасности, мы разрабатывали десятки вариантов действий, мы готовились… и все бы ничего, но тут Исинхай взял и послал меня и мою команду на Ятори.

Меня, если честно, так еще не посылали. Без объяснений, без даже попытки выслушать мои протесты, без вариантов остаться, без права вернуться, не выполнив работу.

Тупо послали.

На Ятори.

Которая вообще, бракованная система ее ведает, на какой хрен сдалась шефу, которая не входила ни в одно Галактическое содружество, которая вообще ничем особо выдающимся не выдавалась, ну, кроме Леи Картнер, и то исключительно потому, что саму Лею вывезли отсюда в нежном детском возрасте. И слава небу, ведь после шести-восьми лет на Ятори все становились психами. Абсолютно все. Поголовно.

И вот я на Ятори.

Даже не то чтобы в окружении психов, все гораздо хуже – я стою перед средоточием социопатов планетарного масштаба, весьма скептически взирая на деревянные ворота, высокий каменный забор и безупречно синее небо. Небо мне нравилось, реально красивая штука, и цвет такой насыщенный… а вот это вот учебное заведение за забором – нет.

Камука – элитная школа для тех, кому больше восемнадцати в психологическом смысле этого слова. Биологический возраст не учитывался. Что едва ли удивляло местных – на Ятори моментом появления личности считалось даже не зачатие, а миг, когда родители решились на… на то, что ближайшие шесть лет проведут в аду. В буквальном смысле слова. Если же речь шла о высшем сословии, то шесть лет плавно превращались в восемь.

Потому что первые шесть-восемь лет жизни ребенка он был богом.

Богом для родителей, богом для родных, богом даже для себя. Мир принадлежал ему, малышу. Полностью и основательно. Любое пожелание исполнялось мгновенно. Любой намек воспринимался пожеланием. Любое желание становилось законом. Идеальные условия для идеальных… психов.

Ведь сказка заканчивалась.

Завершалась столь резко, что частенько первую затрещину дети на Ятори получали вместе с поздравительным тортом.

И мир рушился.

В шесть лет это становилось катастрофой для многих, иногда чудовищной настолько, что дети отказывались вырастать, мозг не мог перестроиться под новую картину мира, принять свое новое в жестоком мире положение. Итог – сорок процентов жителей данной недружелюбной планеты были психами, в основном законченными. Но опасными они не были. Сложными, подходящими для должностей, где ответственность не требовалась, но не опасными.

Опасность представляли аристократы.

Те, для кого мир рухнул в восемь…

Если вам когда-нибудь скажут, что аристократия на Ятори – высокоорганизованная структура, в которой приоритетом считается благо планеты… не верьте. Не стоит верить тем, чья психика была уничтожена еще в детстве, а после никто даже не пытался заняться ее излечением.

Этих детей ломали. Жестоко, бескомпромиссно, чудовищно. А после их не лечили, нет – их оставляли выживать, бороться, существовать вот с этой сломанной психикой. Если провести наиболее наглядную аналогию, это было бы примерно то же самое, как если бы на Гаэре шести-восьмилетним малышам на праздновании дня рождения ломали позвоночник. Торжественно, болезненно, всей большой семьей. А после заставляли еще и убирать со стола объедки от пиршества.

Невозможно?

Для Ятори не существует слова «невозможно».

Кровная месть, беззаконие, судебная система, основанная на мнении главы рода, – это вот все да, это реальность, а слова «невозможно» здесь нет. Отсутствует как таковое даже в словаре.

– Кей, сделай рожу попроще, – на гаэрском с насмешкой сказал Дер, приспуская стекло флайта.

– От-ва-ли, – проговорила я, вглядываясь в студентов, флегматично-вальяжно покидающих самую элитную школу данной планеты.

Школу, в которой обучались исключительно аристократы. Только аристократы. Лучшие из лучших аристократов. Забавно, но Камука была единственным учебным заведением, из которого вышли все двадцать четыре императора, все премьер-министры, все министры. Не знаю, чему здесь обучали, честно. Пыталась узнать, но семь хакерских атак прошли впустую, потому что коды этой школы создавал псих. Или психи. Впрочем, о чем это я? Здесь все были психами. Причем крайне опасными, очень опасными, бесконечно опасными психами… У иных в этом странном учебном заведении просто не было ни единого шанса выжить.

Я следила за Камукой несколько недель, с момента разработки Адзауро-младшего, и… там все было, к нестабильному атому, почти как на Танарге. У нас даже десант не подвергался подобным издевательствам. Да и никто в принципе не подвергался.

За три недели я отследила шесть убийств на территории школы. Шесть. Трупы сжигали, чтобы скрыть метод собственно убийства, а прах передавали родственникам через порог главных ворот школы – молча и без слов. Те так же молча принимали сверток, еще пару часов назад живший, говоривший, возможно писавший письмо мамочке, и молча же удалялись. Шесть убийств за три недели… Из них полномасштабно я наблюдала четыре – парни выходили в сад и… убивали друг друга. Молча. В основном в дуэлях на катанах, но встречались и более интересные варианты – вылет с четвертого этажа, к примеру, повешение на ветке дерева, падение на колени и вспарывание собственного живота, а уже потом «добрые» товарищи из жалости прекращали мучения, перерезая раненому и определенно нуждающемуся в медпомощи горло. Видимо, чтобы не нуждался. К слову – нуждаться на Ятори было постыдно, и частенько выходцы из вот таких закрытых школ по пути домой резали все что ни попадя: от бродячих животных до таких же бродячих людей. И когда они убивали, ни в глазах, ни на лицах не наблюдалось ни капли сожаления, раскаяния, жалости… ничего. Застывшие идеальные маски идеальных мальчиков, которые все свои эмоции выражали лишь насмешливой полуухмылкой – не более.

Мальчики – куклы.

Юноши – киборги.

Мужчины – монстры.

Не снимая солнечных визоров, я всматривалась в лица тех, кто покидал «колыбель власти», собственно, это и был дословный перевод слова «Камука». Идеальные черные костюмы, белоснежные воротники-стойки, ослепительные манжеты, идеальная кожа, превосходные прически, чуть прищуренные, до крайности внимательные глаза. Глаза, в которых никто и никогда не увидит жалости… даже девушка. Любая девушка. Не имеет значения – незнакомка на улице, случайная встречная в парке, невеста на сватовстве, новобрачная в постели. Жалости не будет. Никогда. Они даже не в курсе, что это такое.

А вот секс уже совсем иное дело.

– Привет, сладкая, – произнес один из учеников, изысканно-отработанным жестом поправляя и так безупречно уложенные волосы.

Я даже залюбовалась – хороший парикмахер у парняги, без предъяв, реально крутой. Не знаю, правда, как с такой прической обзор у мужика, ведь одна прядь наполовину закрывает правый глаз, но смотрелось элегантно, слегка небрежно, здорово. В сочетании с идеальной кожей, на которой только под внушительным микроскопом можно было бы разглядеть выравнивающий тон лица крем, с подведенными крайне умело ресницами и бровями, с линзами, придающими взгляду глубину… Дерсенг линялый, за три недели на Ятори у меня воскресли все мои комплексы, оставшиеся со старшей школы. И вообще это ненормально, когда ты единственная баба на километр вокруг, но при этом именно ты самая страшная среди всей покидающей Камуку толпы.

– Отвали, – грубо ответила парню, старательно сдерживая желание спросить, каким шампунем он пользуется.

И кондиционером. И тоником. И духами. И где купил костюм. И что за хрень у него на ресницах, потому что, походу, это явно какая-то сыворотка роста – я даже при десятикратном увеличении следов туши не заметила.

– Мм-м, грубишь. – Парень сделал шаг, сходя с тротуара и приближаясь вплотную к флайту.

Еще движение – его колено оказалось между моих ног, левая рука на крыше флайта, правая – на моем подбородке. Рывок, и меня заставили посмотреть прямо в его линзы. Линзы тоже были на уровне – RXK337, одна из последних разработок Гаэры. Чисто визуально – увеличивают размер радужки, делая глаза неестественно огромными, в практическом смысле все было круче: до двух сотен встроенных функций, настройка ночного зрения, возможности практически рентгеновского аппарата и да, легкий гипнотический эффект вдобавок.

Мило улыбнулась этому лишенному нормальной психики еще в глубоком детстве, лет так двадцать назад, и взломала его линзы.

Непередаваемое ощущение собственной крутости, когда прижавший тебя к флайту парень вдруг с воплем дергается назад. Хрип, звон высвобождаемой стали, удар. Выпад, удар, удар, удар.

Тонированное стекло на водительском месте снова медленно опустилось, являя ошарашенную морду Дера: он приспустил собственные визоры, с удивлением глядя на парня, выделывающего кульбиты в стремлении дорезать невидимого противника, который (а я не они, я позаботилась о здоровье окружающих) находился в трех метрах над землей. Поэтому парняга, изрядно попортив прическу, сражался со своей галлюцинацией, радуя лично меня всей палитрой стоек и выпадов и заметно изумив, «собственно», тех, о ком я позаботилась… Хотя будем откровенны, всю школу Камука следовало сжечь. Напалмом. Еще лучше – термитом. Навечно.

– Кей, – Дер был новичком в команде и к таким штукам еще не привык, а потому продолжал потрясенно следить за битвой с фантомом, – что с ним?

– Обрел, – жуя жвачку, меланхолично ответила я.

– Счастье? – хмыкнул Дер.

– Не-а, воображаемого друга. – Бой становился все более жарким, парень уже даже скинул свой идеальный форменный пиджак, сломал катану и теперь пинал воздух в полете ногами.

Было забавно.

– Ты ему линзы перепрограммировала? – догадался Дер.

– Угу, – подтвердила, продолжая с интересом наблюдать.

– Надолго?

– Сейчас отпустит. – Я вытащила жвачку, завернула в фантик, засунула в карман.

Выбрасывать мусор на Ятори было наказуемо. За подобное преступление полагалась смертная казнь. На месте. Я, правда, так и не поняла, в чем смысл:

ну, бросил чел бумажку, ну, бывает, заставьте поднять, а не разбрасывайте поверх и так мусора еще кишки, ошметки и прочие останки «на месте убиенного». Это не логично же, от слова «совсем».

И в этот момент парня отпустило.

Взмокший, с уже далекой от идеала прической, покрытый капельками пота, который яторийцам в принципе не особо свойственен, он упал… Ну как упал – встал на одно колено, это у них примерно то же самое, как если бы у нас повалились ничком, и теперь, тяжело дыша, с искренней ненавистью взирал на меня.

Приспустив очки, весело подмигнула посрамленному домогателю и вернулась к тому, чем занималась до конфликта, – ничем, в смысле.

Вообще, следовало бы заниматься ничем во флайте, так безопаснее, но тут такое дело – флайт еще часа два назад взломала и перепрограммировала какая-то скотина, и теперь любому сидящему внутри вместо пейзажа за стеклом, что, собственно, ожидаемо, когда в окно смотришь, демонстрировалась различная хрень… от легкой эротики до гораздо более опасных для здоровья видов соития. И я же найду эту мразь. Я найду, я такая. И когда я его найду, я ему…

Именно в этот миг он и появился.

Под два метра худощавого тела, бездна высокомерия, самоуверенности, идеальные черные волосы, черные внимательные глаза и движения хищника с болот Кахоры… Реально, наследнику рода Адзауро очень пошло бы быть дуалом. Где-нибудь на Кахоре, да. Ползал бы там себе со змеями, не мешал честным преступникам наслаждаться продажей своей невинности. Между прочим, у меня были все шансы побить рекорд Сейли Эринс! Реальные шансы. Я даже умудрилась стать натуральной блондинкой, и только я знаю, чего мне это стоило, но нет…

Я на Ятори.

Как самая умная.

И закомплексованная ко всему прочему.

Адзауро-младший, продолжая двигаться как нацелившийся на жертву и абсолютно уверенный в себе хищник, плавно подошел к флайту, занял позицию того, кто имел глупость пристать ко мне пару минут назад, окинул меня долгим оценивающим взглядом и удовлетворенно хмыкнул.

О, я могла его понять – метр семьдесят пять идеального женского тела, безупречно золотые волосы до пояса, огромные голубые глаза, пухлые губы, высокие скулы, тонкие черты лица, аккуратный носик, шикарные формы и каблук, делающий мои ноги еще тоньше и добавляющий мне пятнадцать сантиметров роста.

Я – идеал. Примерно такой же, как и все они здесь, с той лишь разницей, что всего несколько лет назад они были точно такими же идеальными отпрысками лучших семейств Ятори, а я – прыщавой запуганной школьницей с лишним весом, невпечатляющим ростом, секущимися кончиками тусклых безжизненных волос и… комплексами. И вот все внешние недостатки ушли, а внутренние прямо как наши ассы – сдаются лишь мертвыми. В смысле, пока живы – бьются до последнего. Короче, они со мной до гроба.

Вообще, я хотела верить в лучшее, но двенадцатый по счету психолог честно сказал: «Танарг вам в помощь», в смысле, Гаэра помочь уже не в силах. Не могу винить специалистов Института Мозга за прямоту, если честно, предпоследнюю женщину мне было даже жалко, когда она разрыдалась со словами, что она толстая и муж теперь ее точно бросит. Искренне было ее жаль. И ее, и тот скелет, который она называла «тело жирухи» и явственно морила голодом. Мое мнение – в Институте Мозга с мозгами явно был не порядок.

Не то что на Ятори. Тут мозгов хватало, с этим не поспоришь, как-никак одна из передовых планет в плане технологий, но психи же. Крайне умные психи.

– Итак? – Адзауро-младший протянул ладонь, затянутую в черную перчатку, заправил прядь моих золотых волос за ухо и… начал делать выводы: – Ты стоишь возле моего флайта, значит, ждешь меня. Ты не смущаешься, когда на тебя смотрят парни, значит, не с Ятори. Ты с легкостью взломала линзы второго наследника императора… мм-м… Гаэра?

Я сняла очки, с тоской подавила желание спросить, а у этого какой шампунь, и раздраженно приказала:

– Лезь во флайт, извращенец.

Резко выпрямившись, этот гарантированно социопат приподнял бровь и переспросил:

– Извращенец? Мм-м, не подозревал, что ты знаешь обо мне настолько много.

Никогда не думала, что буду настолько зла на шефа. Просто вот настолько зла. На хрена я тут теряю время, защищая этого придурка, когда там, на Гаэре, шеф находится в реальной опасности. Вот на хрена?!

Заставила себя успокоиться, в очередной раз напомнив себе же, что у меня приказ охранять вот этого вот извращенца, который, я и теперь даже не сомневаюсь, и взломал систему визоров во флайте. Собственно, а чего я злюсь? Сломал и сломал, все равно флайт его, так что это вообще не мои проблемы.

– Лады, идеальный мужик, проявил галантность и открыл мне дверцу, – произнесла, оттолкнувшись от флайта и приготовившись забраться в него со всей грацией, на которую только была способна.

Идеальный мужик спорить не стал, открыл дверцу, галантно подал руку, помог пройти и сесть, и даже не попытался облапать, за что, собственно, был практически прощен по поводу первого косяка.

– На этот раз мстить не буду, – пристегиваясь, уведомила я, – но следующая попытка принудительного показа мне эротических картин будет стоить тебе повреждений внутренних органов. А может, и внешних.

Адзауро некоторое время продолжал с интересом взирать на меня, затем произнес:

– Я полагал, что во флайте меня ожидает… невеста.

Откинувшись на сиденье, хмыкнула и подтвердила:

– Я так и поняла.

– Но ты явно не она, – продолжил делать верные выводы Адзауро. – Ничего не хочешь мне объяснить?

Насмешливо взглянув на него, молча подняла левую ногу, закатала брюки и продемонстрировала тонкий ножной браслет с символикой клана Адзауро. Намек был недвусмысленным.

– Что?! – В черных миндалевидных глазах полыхнуло такой яростью, что я даже на миг подумала, что ему моя нога не понравилась.

Но нога была очень даже, практически идеальных параметров даже для помешанной на идеалах Ятори. И в целом демонстрация предбрачного атрибута должна была снять все вопросы. И наследник Адзауро идиотом не был, он понял практически все.

– Очередная интрига деда обернулась крахом?

– Угу. – Я опустила ногу, вернула брюки на место, отвернулась и теперь смотрела в окно, наконец наблюдая пейзаж, а не калейдоскоп эротических позиций.

– Дьявол девятихвостый! – Младший господин все больше и больше радовал сообразительностью. – Говорил же не лезть!

Я даже не отреагировала никак. Если честно, мне было совершенно плевать, кто и во что влез здесь, на Ятори, потому что переживала я сейчас совершенно за другого человека, который тоже влез куда не следовало. Шеф, чем ты думал?! Чем?! Впрочем, я знала ответ. Я прекрасно знала ответ. Он думал сердцем. Он думал о той единственной, кого любил всю свою жизнь. И я не осуждала, никто не осуждал, мы просто очень боялись за него. Я в особенности. Мне было страшно, мне было тревожно и бесконечно бесило, что я здесь, а Исинхай там, где против него почти все разведуправление плетет заговор. И шеф умен, я не спорю, но это команда Багора, они спецы высшего класса, они способны практически на все… а я здесь. И меня, вполне резонно, терзает подозрение, что Исинхай слил меня на Ятори не потому, что для него действительно важны были позиции клана Адзауро на политической арене, а он просто убрал меня

подальше, спасая.

Исинхай мог. В том-то и дело, что он мог поступить так исключительно потому, что беспокоился обо мне. Вот только несколько упустил из виду тот факт, что я беспокоюсь о нем не меньше, скорее даже больше.

– Я так понимаю, тебя ситуация тоже не радует? – проявил неожиданное внимание законченный социопат.

Социопат и эмпатия? Забавная попытка казаться нормальным.

– Три последние недели я изучала все тонкости чайной церемонии и танец с веерами. Как ты думаешь, это может радовать? – раздраженно спросила я.

Адзауро-младший промолчал.

Некоторое время мы продолжали путь молча, затем «жених» поинтересовался:

– Линия поведения?

– Я тебя ненавижу молча, ты меня ненавидишь молча, все твои родные молча радуются нашей трепетной и романтичной любви, – обозначила с ходу.

Адзауро хмыкнул. Почти по-человечески.

После насмешливо произнес:

– Дед всегда был деспотичным тираном, но так явно поиздевался над семьей впервые.

Я глянула на него, невольно улыбнулась в ответ на его улыбку. Да, это было эпично, и старикан действительно повеселился от души.

На Ятори не любят инопланетянок. Инопланетянок-блондинок иной расы, культуры, религии и прочего – тем более. Но исключения, конечно, были. Леален Усамоко, наследница одного из сбежавших на Гаэру кланов. Она являлась

инопланетянкой, однако раса, культура и религия были местными, то есть ее можно было считать фактически дочерью Ятори. Меня – нет. Не тот цвет кожи, не тот цвет и разрез глаз, ну и в целом я не была выходцем с данной планеты, так что вчера в момент представления меня семейству Адзауро домочадцы старого интригана испытали шок.

Моя условно свекровь падала в обморок трижды, прежде чем надеть на мою щиколотку злополучный браслетик, а после безутешно рыдала над судьбой ее дорогого сыночка, когда я, то ли от нервов, то ли попросту из чувства вредности, трижды облила ее чаем в момент представления своих «неописуемых» способностей в области чайной церемонии.

Ныне, по мнению всего клана Адзауро, шок, практически несовместимый с жизнью, испытывал сам мой «жених». Собственно, они даже попытались убедить деда в том, что он поступает крайне жестоко, заставляя «несчастного мальчика» лицезреть выбор главенствующего над родом деда в радостный момент сваливания из школы строгого режима.

И в принципе, столкнувшись с их восприятием «радостной светлой новости», я предполагала, что Адзауро-младший как минимум расстроится, как максимум попытается устроить мне «сладкую встречу». И он практически оправдал ожидания, взломав систему флайта и организовав мне просмотр эротических фильмов, но… на этом было всё. И это напрягало.

Мы молча ехали, он молча смотрел на меня, не делая попыток ни унизить, ни оскорбить, ни даже уколоть присущей яторийцем язвительностью. Ничего.

В очередной раз искоса взглянув на него, я натолкнулась на все тот же внимательно-изучающий взгляд и не удержалась от замечания:

– Ты как-то странно себя ведешь.

Криво усмехнувшись, Адзауро спросил:

– Что кажется тебе странным в моем поведении?

– Даже не знаю, – я вновь взглянула в окно, – ожидалось, что ты будешь в состоянии негодования и прочее.

– С чего бы? – Вопрос был задан нейтральным тоном, но тут явно имелся какой-то странный подтекст.

Повернувшись, глянула с нескрываемым недоумением. Идеальный маньяк ответил вопросительно изогнутой бровью, недвусмысленно намекая, что мы вполне можем продолжить беседу. Да, как-то не так я себе это представляла.

– Это временно, – закинув ногу на ногу, указала на браслет.

– Уверена? – слегка насмешливый вопрос.

Адзауро-младший, похоже, был еще более законченным психом, чем я думала. Чем даже думали его родственники.

– Абсолютно, – невольно отодвигаясь подальше, сказала я.

Идеальный псих усмехнулся.

Степень моего недоумения росла в геометрической прогрессии. Отвернувшись вновь к окну, сложила руки на груди и сделала вид, что меня здесь нет. Впрочем, я бы искренне хотела, чтобы меня здесь не было… особенно сейчас, когда мне следовало бы быть на Гаэре. Рядом с Исинхаем, под которого маниакально копала Сейли Эринс, воспитанница Багора, его гордость, его концентрат сплошного тщеславия, двукратная победительница соревнований по спортивному обольщению. Что было крайне досадно, потому что до нее побеждала я. Тоже дважды… В третий раз не вышло, я стала номером два, несмотря на все приложенные старания. Мне хотелось бы верить, что причина моей неприязни к Эринс крылась именно в этом, но, увы, проблема была не в моем уязвленном тщеславии, тщеславия у меня не было в принципе, его просто не могло существовать, учитывая реалии моей жизни. И в момент проигрыша я не расстроилась – я испугалась. Потому что Эринс оказалась сильнее. Сильнее, быстрее, способнее, коварнее. Единственное, что радовало, – на последнем задании она таки облажалась. Я напоминала себе об этом все эти проклятые три недели на Ятори, я твердила это как мантру, как молитву, как формулу успокоения… и все равно не успокаивалась. Мне было страшно за

шефа. Слишком страшно.

– Ты чем-то расстроена? – вдруг поинтересовался Адзуро-младший.

– Немного, – почему-то честно ответила я.

Что для меня в принципе было не свойственно. Честность, в смысле.
В преступном мире честность вообще ценится мало, а последствий имеет много, так что я давно привыкла лгать всегда, везде и при любых обстоятельствах… Странно, что отработанный навык дал сбой. И странно, что идеальный яторийский псих старательно пытается наладить диалог.

– На кого ты работаешь? – озвучил еще один внезапный вопрос Адзуро.

Если он надеялся на ответ – он идиот.

Но как оказалось, нет, не надеялся.

– Исинхай? – Имя моего шефа прозвучало столь невозмутимо, словно этот выпускник школы для законченных социопатов Исинхая знал лично.

Естественно, я не отреагировала. Вообще никак, продолжая молча смотреть в окно.

– Я совершенно определенно прав, не так ли? – продолжил беседу сам с собой Адзауро-младший. – Официально правительство Гаэры руководство Ятори не поддерживает, а неофициально спеца с Гаэры мог прислать только Исинхай, да?

Безразличная тишина была ему ответом.

– Не спец? – Вопрос, естественно, так же оставшийся без ответа.

Я продолжала смотреть в окно, думая о том, что лучше бы он повел себя в ином ключе. Истерил, к примеру. Сучил ножками… Сквернословил и грозился разобраться с дедом. Нет, естественно, я понимала, что подобного идеальные маньяки Ятори никогда себе не позволяют, разве что где-то в душе, где-то очень глубоко в душе, внешне никаких проявлений эмоций они не допускали

в принципе. Но, будем откровенны, я лично ожидала молчания, напряженного негодующего молчания, а этот… пытался наладить диалог. Что в принципе ни в мои, ни в Исинхая, ни даже в планы Адзауро-старшего не входило.

– Еще раз, – все так же глядя в окно, сказала я, – я тебя ненавижу молча, ты меня ненавидишь молча. На этом всё.

Несколько секунд во флайте было действительно тихо.

Но затем психопат ровным тоном вопросил:

– Почему я должен тебя ненавидеть?

– Потому что это логично, – все так же глядя на пейзаж за окном, ответила я.

– Не вижу в этом никакой логики, – возразил, к сожалению, вовсе не пейзаж. – Ты мне вполне понравилась.

Неожиданно.

Повернув голову, скептически взглянула на идеального парня лет двадцати семи и честно призналась:

– Ты мне – нет.

В ответ Адзауро-младший лишь вопросительно вскинул бровь.

Пожав плечами, сообщила:

– Ты все-таки не самый красивый парень на Ятори, согласись.

– Красота вовсе не тот параметр, что делает мужчину притягательным, – ничуть не согласился этот… идол.

– Возможно, – безразлично ответила я, отвернувшись к окну и вспомнив Исинхая.

Исинхай был притягательным мужчиной. Самым притягательным из всех, кого я знала. Самым надежным, правильным, благородным, честным, самым… умеющим прийти на помощь в нужный момент. И именно Исинхай очень четко обозначил линию поведения с моим подзащитным.

– Ты не должен проявлять по отношению ко мне никаких иных чувств, кроме ненависти, – сообщила я «жениху».

– И… почему я должен вести себя не так, как мне хочется? – поинтересовался частично узкоглазый.

Повернувшись, устало посмотрела на него. Адзауро-младший невозмутимо смотрел в ответ. Внезапно я поняла, что деду он будет мстить. Будет, это несомненно. Вот только это будет игрой по новым правилам – мальчик изобразит, что влюблен. В принципе неплохая месть – Адзауро-старшего это взбесит неимоверно, тут расчет верен, но… одно «но»:

– Мне без разницы, что и как ты собираешься делать, главное – запомни три правила. Правило первое: куда ты, туда и я. Как минимум месяц, это если с проблемой разберется твой дед, или еще семь дней – если он не разберется и уладить конфликт поручат мне. Правило номер два: никаких подстав по отношению ко мне, мы команда, я это прекрасно осознаю, но бить так, чтобы не оставлять следов, умею превосходно. И третье: никакого секса.

Внимательно слушающий меня Адзауро на последнем правиле не скрыл улыбки. Не удержался и от вопроса:

– И часто ты запрещаешь себе телесные радости?

Спокойно выдержав его взгляд, холодно ответила:

– Всегда.

Его улыбка проявилась чуть сильнее, и Адзауро спросил:

– Тебе известно мое имя?

– Чи? – уточнила я и, едва он кивнул, добавила: – Имечко так себе, должна признать.

Насмешку над собственным именем Чи стерпел и пояснил для меня:

– В переводе – мудрость. Тысячи раз благословенная мудрость.

Я, уже было повернувшаяся к окну, искоса взглянула на него.

Чи Адзауро продолжал улыбаться, очень странно взирая на меня.

– Что-то еще? – спросила несколько враждебно.

– Да, мне интересно, как зовут тебя.

– На Ятори – Мари Эйтонари. Это имя выбрали, потому что оно соответствует и нашим, и вашим традициям.

Чи вновь странно улыбнулся и произнес:

– «Мари» в переводе на язык Гаэры – любимая. Имя тебе подходит, не буду с этим спорить. Но каково настоящее?

Неодобрительно покачав головой, я вновь уделила все свое внимание пролетающим за окном пейзажам. Ятори была красивой планетой. Особенно красивой здесь, близ столицы. Бережное отношение к своей культуре и архитектуре, идеальная чистота повсюду, подстриженные кусты, вечно цветущие нежно-фиолетовыми цветами сакуры, искусственные ручьи, каскадами переходящие один в другой, журчащие по камням и населенные специальными декоративными рыбами… И три могучих, вспарывающих небо вулкана. Красиво.

В этот момент Дер опустил стекло, отрезающее пассажирскую часть флайта от водительской, и, не отводя взгляда от экрана навигатора, напряженно произнес:

– Кей, впереди засада.

Шустро они.

Я скинула с ног туфли, рывком перескочила на кресло возле водителя, подключилась к наблюдательной системе, одновременно подсоединяясь к четырем спутникам, запущенным еще по прибытии на Ятори. Активировала экран, вывела изображение на свои визоры и… чуть не выругалась.

– Одно поваленное дерево, Дер. Одно поваленное дерево – и ни хрена в округе метров на сто!

– Да, но… это засада, Кей, – неуверенно произнес он.

– Это издевательство, а не засада, Дер. Издевательство, причем целенаправленное. Потому что, когда мы попытаемся это самое дерево объехать, вот тогда нас ждет засада. Даже две.

Дер глянул на меня, потом спросил:

– И что мы имеем?

– А что мы имеем? – Я пересела обратно назад. – Направо пойдешь – на друзей попадешь, налево пойдешь – еще друзей себе найдешь, прямо поедешь – дерево встретишь. Дер, у нас приказ не ввязываться в потасовки, активируй двигатели – и на взлет.

– Над деревьями подниматься можно? – подключаясь к двигателям флайта, спросил он.

– Нет, продолжай издевательски придерживаться дороги.

– Это как? – не понял он.

– Это издевательски перескочил дерево и поехал дальше, а они пусть бесятся.

Я вольготно закинула ноги на подлокотник переднего кресла и подключилась к полицейской базе.

– Так, Кей, они же реально взбесятся, – напрягся Дер.

– О да. – Я даже спорить не стала.

Переключение на номер экологической полиции – и срывающимся голосом:

– Уважаемый господин полицейский, тут вандалы! Они… они… – всхлип, – убили дерево! И намусорили!

И сброс звонка так, чтобы у полиции остались координаты. Как быстро экологи здесь появятся? Секунд через тридцать. Это Ятори. Вот если бы я позвонила с криком «меня убивают» или «насилуют», то это час, а то и два до приезда правоохранительных органов, а срубленное дерево – это мусор. А за мусор на Ятори казнят на месте, так что…

– Изобретательно, – с усмешкой похвалил Адзауро.

– Порядки на вашей планете – это изобретательно, да, – согласилась я.

И дальнейшую часть пути с самой злорадной улыбкой наблюдала, как обе поджидающие нас группы были схвачены полицейскими. Казнили троих причастных к вырубке дерева, еще парочка курила местный аналог гашиша: не то чтобы это было запрещено, но бросать косяки на землю им определенно не стоило. Итого – минус пять в составе наших дорогих «друзей», с которыми мы еще непременно встретимся. Определенно встретимся. Собственно, из-за конфликта с шиноби я и понадобилась Адзауро-старшему.

* * *

До поместья доехали примерно за час. По дороге встретили еще два дерева, которые спешно убирали люди вовсе не в костюмах службы контроля над садовыми насаждениями. На нас смотрели хмуро, взглядами провожали недобрыми, но исправно поднимали все щепки с земли. Зря они так. В том смысле, что мусор – это одна статья, а вот вырубка деревьев – уже другая… Коварно и анонимно переслала видео происходящего доблестной яторийской экологической полиции.

– У нас обычно так не поступают, – уведомил Адзауро-младший.

– Я в курсе.

Он молчал, пока я слала доносы, но смотрел на меня очень внимательно. Не знаю, почему решила пояснить:

– Я не кадет S-класса, Чи, тут ты прав. Я крыса. Крыса из стаи Исинхая. А у нас в правилах использовать системные уязвимости планет, на которых приходится работать. Мы не играем по правилам, мы используем традиции и законы наиболее удобным для нас способом. Усек?

И я, закинув в рот новую жвачку, принялась натягивать отвратительно белые носки на ноги – это Ятори: как только войдем в дом, мне придется снять туфли, традиция, а светить голыми пятками перед старшими здесь не принято – тоже традиция. Итог – все женщины в огромном особняке Адзауро передвигаются как коровы на льду. Некоторое изящество, несомненно, присутствует, но попробуй в новых хлопковых носках грациозно пройти по натертому до блеска мраморному полу… То еще удовольствие.

– Кей, – посмел вдруг этот назвать меня по имени, – а почему ты не кадет S-класса?

– Не прошла по баллам, – зло жуя жвачку и остервенело натягивая носки, ответила ему. – И тест на психологическую устойчивость завалила. Еще вопросы?

Адзауро-младший отрицательно покачал головой. Вопросы у него были, но он проследил за тем, как я жую жвачку, и каким-то образом осознал, что, если я жую, настроение у меня то еще. Неужели он способен оценивать чужое эмоциональное состояние? Странно.

Еще более странным было его тихое:

– Тест на психологическую устойчивость заваливают обычно те, кто подвергался насилию в детстве. Чаще всего, сексуальному.

Надевая туфли, серьезно ответила:

– Чи, поверь, психология – явно не твоя стезя.

– Я ошибся? – вновь вскинул бровь наследник клана и неожиданно поправил: – Акихиро.

Теперь вопросительно вскинула бровь я.

– Ты невнимательно читала мое досье, – улыбнулся мне Адзауро. – Чи – имя, дающееся при рождении, и оно обычно включает в себя надежды на будущее ребенка. Это второе имя. Первое мужчина должен заслужить сам. Я – Акихиро. Сообщаю на всякий случай, чтобы ты не опозорилась, назвав меня при всех детским именем. Готова?

Оторвать тебе голову? Да запросто!

Но едва ли мои устремления способствуют успешному выполнению задания.

– Аки-хиро, – повторила, пытаясь запомнить звучание.

– Перевести? – издевательски предложил Чи.

Буду так называть его исключительно из вредности.

– Разберусь! – гордо ответила я.

И мы свернули к первым воротам.

Поместье Адзауро представляло собой… крепость. Три окружающие основное здание стены, охрана по периметру, в которую наши, конечно, втиснулись, но даже они были вынуждены признать – в плане маскировки воины с Ятори их превосходили многократно. И все же лучше были мы. По той простой причине, что для нас не существовало границ, принципов, традиций и правил. Я сказала Чи правду – мы были крысами. Особой, правильно выведенной, практически неуязвимой и целостной стаей крыс. Мы могли выжить везде. В любых условиях, при любых обстоятельствах, в любой обстановке. Мы подстраивались и…

выживали, плевать какой ценой.

– Знаешь, – вдруг произнес Адзауро, – мне всегда было интересно, существует ли любовь.

Я, прекратив всматриваться в обстановку, выискивая своих людей, с удивлением глянула на него.

– А тебе? – вопросил он.

– Абсолютно нет, – усмехнулась я.

– Думаешь? – вопрос с подтекстом.

– Уверена, – криво улыбнулась «жениху». И так, на всякий случай: – Ты должен меня ненавидеть, Чи-крошка, иначе вся легенда полетит к чертям в кратер одного из ваших действующих вулканов. Мы же не хотим этого, правда?

Черные миндалевидные, чуть зауженные глаза пристально смотрели на меня, на красивых губах играла какая-то странная предвкушающая улыбка, в глубине глаз отчетливо читался интерес, вероятно, чисто исследовательский.

Очередной мистер «ты точно в меня влюбишься». Уже даже не смешно. Но, глядя на Адзауро-младшего, я вдруг подумала: а посмотрел бы он на меня тем же чуть восхищенным взглядом, когда я еще не была длинноногой блондинкой с идеальными параметрами? Что-то мне подсказывает, что нет. Что-то, что всегда становится каменной стеной на пути любых отношений… Травля в старшей школе в принципе навечно оставила след в моей душе, ее последствия эту самую душу выжгли каленым железом чувства вины, а фотка меня прежней неизменно отрезвляюще действует… на меня. Никому больше я ее не показываю и не покажу. Правду… знает лишь Исинхай, он единственный, кто видел фото «до» и «после». Стеснялась ли я этого? Ни капли. Исинхай меня спас. Вытащил из ада. Научил, как жить дальше. Научил ставить цели и достигать их. Научил многому. Слишком многому, чтобы сейчас я могла оставаться безучастной к его личным проблемам.

И мне хотелось выть от тревоги, от переживаний, от страха за него… потому что разведслужба Гаэры не настолько милосердная организация, чтобы не стереть в порошок того, кто посмел занять место их любимого Багора. Ненавижу!

И как-то очень не в тему, когда мы проезжали вторые ворота, пришел входящий от Полиглота. Естественно, приняла сообщение, сжимая зубы, прочитала: «Овладение языком 40 процентов. Кей, паршиво».

Дохлый дерсенг. Язык на Ятори был тем еще удовольствием, но я уже говорила практически как носитель, даже сканнер не выявлял отклонений от диапазона. Сорок процентов?! Да какого?

«Скинул тебе обучающий курс от Леи, для нее этот язык практически родной. Работай».

Гребаный навигатор!

С одной стороны, я как бы благодарна, по идее. Операция же неофициальная, а Полиглот, глава языкового управления Гаэры, уделил мне личное время для обучения. Я оценила степень его готовности помочь Исинхаю, я упорно и прилежно занималась три недели! Сорок процентов?! Да ладно!

– Плохие новости? – поинтересовался мой условно жених.

– Справлюсь, не в первый раз, – ответила, скачивая программу от Леи Картнер.

Милая девушка, приятная очень, ответственная тоже очень и помешанная на своей работе, как и все кадеты S-класса. И она же – основательный провал Сейли Эринс. Эринс не справилась с задачей, а потому Лея Картнер сейчас пребывала на Рейтане… ну, почти. На астероиде, насколько мне известно. В глубоко беременном положении, по причине того, что… команда Эринс с задачей не справилась.

Теперь они как идиоты сидят на переподготовке. Ну, собственно, это успокаивало – пока они в дерьме, Исинхая трогать не будут.

Открыла сообщение от Леи:

«Привет, Кей. Подготовила для тебя базисный курс. Плюс немного информации о традициях на Ятори. Надеюсь, поможет. Также совет – изучи чайную церемонию, это один из трех главных параметров, по которым тебя будет оценивать клан Адзауро».

Мм-м… вспомнила, как я вчера трижды завалила эту гребаную церемонию. Почти не нарочно. Ну почти. Ну… процентов на пять, не нарочно.

«Лея, я завалила чайную церемонию», – честно написала специалисту языковой службы.

Как ни странно, Картнер была на связи, а потому тут же пришел вопрос:

«Как?»

Ну, твою мать, как-то вот так.

Тяжело вздохнув, быстро написала:

«Молча».

Лея Картнер была очень воспитанным и сдержанным человеком, сдержанным настолько, что, судя по слухам, застукав жениха на своей лучшей подруге, просто молча вышла из спальни, а потом и из квартиры. И это при том, что могла обоих размазать по стенке, даже не прикасаясь. Кадеты S-класса – это не только статус, это еще и трансформируемый эенг, одна из лучших разработок Гаэры в плане оружия ближнего боя, и… только кадеты S-класса получали и его, и право на его ношение еще даже до окончания Университета Космических сил. У Картнер эенг был… но было и то внутреннее достоинство, что не позволило ей использовать оружие против тех, кто был слабее. Эринс бы размазала обоих, даже оружия не доставая, та еще стерва, а Картнер… нет. Вот и сейчас Лея, вместо того чтобы психануть по поводу моего «многословного» ответа, начала писать. Я лишь представила себе, как где-то там, на орбите Рейтана, она тяжело вздохнула, и… собственно, даже расспрашивать не стала, просто перейдя к насущному.

«У тебя есть три попытки провести чайную церемонию, Кей».

Дохлый дерсенг, стыдно-то как.

«Лея, я завалила все три», – честно призналась сотруднику Полиглота.

Она молчала некоторое время, пока мы ехали через вторую часть ограждений, и в итоге сообщила:

«Это не очень хорошо, Кей. Тебе могут запретить садиться за стол со всей семьей, мотивируя это тем, что не уверены в том, что ты достаточно безопасна».

Вспомнила приемный обед в семействе Адзауро… Сырая рыба, живая сырая рыба, сырые осьминоги частями, сырые подергивающиеся осьминоги, полностью живые мелкие осьминоги… В общем, я не горела желанием испытывать позывы рвоты каждый прием пищи.

«Ты знаешь, я не то чтобы против», – честно призналась спецу языкового управления.

«Я могу тебя понять, – написала Лея в ответ, – но это будет ударом по репутации твоего жениха. Более того, клан может «не скрыть» данную информацию, и в этом случае тебя будут усаживать отдельно везде. В любом месте. А это, согласись, несколько помешает выполнению твоей задачи».

И ведь даже не поспоришь.

«Танец вееров. Это твой шанс все исправить. Постарайся», – написала Лея.

Увы, танцы с веерами тоже мне давались не слишком хорошо. Танцевать надо было на платформах в пятнадцать сантиметров, и это были не босоножки и не туфли – это были шлепанцы. Дерсенговы деревянные шлепанцы, скользкие до одури, а танцевать нужно было в носках, но… и это полбеды. Танцевать следовало в костюме из пяти долбаных халатов, пояса метров в десять, который наматывался на талию, с жуткой высокой прической и двумя здоровыми веерами.

«Я бы не стала рассчитывать на успех», – написала совершенно откровенно. И добавила почти ожесточенно: «Я не кадет S-класса, Лея».

Секундная пауза и вполне интересное предложение:

«Можно аккуратно и незаметно сменить обувь на более… удобную. Танец на обычных дневных гэта будет гораздо легче».

Хм, а это была мысль.

«Спасибо», – искренне поблагодарила я.

«Удачи, – пожелала мне Картнер. – И будь осторожна, Ятори прекрасна лишь на первый взгляд, но лучший комплимент для местных женщин – «ты хороша, как ядовитая змея». Ядовитая, Кей. Будь осторожна».

«Я постараюсь», – ответила абсолютно без уверенности в том, что справлюсь.

И выключила экран сейра.

Настроение было паршивым до крайности. Задумчиво-заинтересованный взгляд сидящего рядом со мной социопата позитива не добавлял. Да и ситуация была… С одной стороны, я не хотела подвести Исинхая. Никогда не подводила и сейчас не собиралась. А с другой – если я провалюсь, меня вернут на Гаэру, и я как минимум смогу быть с шефом рядом и помочь, как только это потребуется.
И я не знаю, как лучше и какое решение было бы более верным в данной ситуации.

Дохлый гребаный дерсенг!

– Волнуешься перед встречей с моей семьей? – вдруг спросил Акихиро.

– Относительно. – Я отвернулась и посмотрела в окно. – Все, что я могла испортить, в плане впечатления твоих родителей по поводу невесты их дорогого Чи-крошки, я уже испортила.

– Не называй меня Чи-крошка, – очень мягко попросил Адзауро-младший.

– Тебе не нравится? – мгновенно заинтересовалась я.

– Нет.

Моя усмешка стала злорадной.

– Если ты полагаешь, что меня легко вывести из себя, то напрасно, – очень вежливо уведомил Акихиро.

Вот тогда я повернулась, посмотрела на идеального молодого мужчину и сообщила:

– Твоя мать вчера говорила примерно то же самое. И ты не поверишь – к концу чайной церемонии она сорвала реликтовую катану со стены и собиралась обрадовать тебя сразу двумя невестами. Иначе как объяснить ее попытку разделения меня на две не слишком ровные половины?

– Мне нравится попытка объяснить это материнской заботой, – улыбнулся Адзауро-младший.

– Она у тебя очень… заботливая, – подтвердила я.

Просто ночью тетка тоже пыталась проникнуть в мою комнату, причем почему-то тоже с катаной. Уже другой, обычной, а не реликтовой, и потому утром мне пришлось спешно менять кровать. Проблема в том, что я не ночевала в комнате, так что, увы, мебель подверглась необратимым для ее целостности воздействиям. Но это все мелочи, а вот слова Леи задели. Реально, не сумею наладить отношения с семьей «жениха», и у меня могут быть проблемы с выполнением задания. Существенные проблемы.

И тут с тихим шорохом гравия флайт подъехал к главному входу в дом. Там уже выстроилась в два ряда прислуга, готовая приветствовать «младшего господина», чуть выше стояли мать и сестры Адзауро, и на самом верху, практически в дверях, – его дед. Вообще, я не совсем поняла, почему именно Чикрошка стал наследником рода, ведь несмотря на то, что его отец умер, имелись в наличии несколько родных дядей. Несомненно, все они были социопатами, любили употреблять местный аналог гашиша, да и спиртное пили своими наперстками только так, но… что-то мне подсказывало, что суть не в этом – дедок Адзауро тоже вполне себе все это потреблял. Вчера в момент чайной церемонии он даже сигары курил по две сразу – нервы у человека, да и возраст

уже, это понятно. Непонятно другое: почему только выпускники Камуки могли наследовать звание главы рода? И, собственно, о том, что ни один из сыновей «старшего господина» не закончил ее, я узнала вчера, немножко взломав кабинет деда. Он не возражал. В смысле, может, и возражал бы, если бы не был занят двумя гейшами. Причем не то чтобы сильно занят – одна ему пела, играя на хрен знает чем, вторая танцевала во всех традиционных пяти халатах и десятиметровом поясе, но у всех свои извращения, я в душу к людям не лезу… а вот в сейфы очень даже. В общем, на данный момент в клане Адзауро было восемь половозрелых мужиков, но только крошка-Чи имел чин «младшего господина». Оригинально так.

Оригинальность заключалась еще и в том, что и его дяди, и даже кузены на будущий год снова собирались поступать в Камуку. Уже даже не знаю в какой раз, я, если честно, сбилась со счета.

– Готова? – вдруг очень заботливо спросил Акихиро.

Я грустно кивнула.

Готова, куда я денусь.

– Эй, – мне улыбнулись, – все будет хорошо.

Странный он, говоря откровенно. Вконец странный.

– Угу. – Я вымученно улыбнулась: – Про легенду все понял?

Он кивнул и повторил:

– Я ненавижу тебя, ты ненавидишь меня.

Вот и молодец, усек сразу.

– Это стандартные отношения в основном для всех пар, – внезапно сообщил Акихиро. И даже пояснил: – На Ятори идеальными считаются взаимоотношения по типу «от жгучей ненависти до любви». У нас абсолютно все браки в принципе заключаются принудительно. Выбора нет ни у жениха, ни у невесты.

И он как-то многозначительно это произнес.

Скептически относясь к его явной попытке вызвать сочувствие, язвительно заметила:

– Это не мешает мужикам водить к себе гейш толпами.

– Тоже верно, – усмехнулся Адзауро. – Пошли?

И наследник клана улыбнулся мне жуткой, до крайности пугающей улыбкой монстра. Улыбка, абсолютно ничего не выражающая, словно была нарисована на маске. Обыкновенной маске… полностью скрывающей лицо девятого дракона. «Адзауро» в переводе – клан дремлющего дракона. Дремлющего? Что-то мне подсказывало, что скорее атакующего. Готового к атаке. Вот-вот планирующего нанести удар…

– У тебя зрачки увеличились, – внезапно констатировал Акихиро. – Вожделение или страх?

– Ни то, ни другое, – внимательно вглядываясь в него, холодно ответила я.

– Тогда что же? – Улыбка стала явственнее, и вместе с тем глаза младшего господина заледенели.

Я вновь окинула внимательным взглядом Адзауро, несколько потрясенно покачала головой и произнесла вслух, пристально вглядываясь в яторийца:

– Твоя улыбка – это что-то. Она одновременно не выражает ничего, словно ты надел маску на лицо, и вместе с тем многозначительна до одури… Ты мне не нравишься.

Он усмехнулся, обнажив идеально белые зубы, и равнодушно-издевательски произнес:

– Смело, честно, вызывает неподдельное уважение и вместе с тем глупо. Как ты там сказала? До одури? Так вот, маари, честность не то, что следует проявлять

на Ятори.

И он, открыв дверь, покинул флайт, чтобы, обойдя его, позволив открыть мою дверь лакею, галантно протянуть мне руку.

За нами наблюдало много глаз. Наблюдало внимательно и в высшей степени враждебно по отношению ко мне, но я несколько помедлила с подачей руки Акихиро. Просто «мари» – это любимая, а вот «маари» – уже принадлежащая. Как игрушка. Как вещь, на которую заявили права. Как женщина, лишенная прав и защиты. Как… как будто он сказал «моя», вложив в это все собственнические смыслы, которые только можно было вложить.

И потому да, я пребывала в некотором замешательстве.

Недолгом.

Одного взгляда на Акихиро Адзауро хватило, чтобы понять: со мной он был другим. Живым. Пусть даже притворялся, возможно, но… был живым. А сейчас перед автомобилем, протянув мне руку, стоял манекен… статуя, с идеальной кожей, отстраненным выражением на лице и холодом в глазах. Улыбка? Больше не было и намека. Если бы не грудь, едва заметно вздымающаяся от дыхания, я бы решила, что передо мной киборг, в крайнем случае искин, но человек – нет. Никогда. У людей не бывает таких застывших лиц. Словно действительно маска, только сейчас неживыми казались даже глаза.

Я вложила пальцы в его ладонь, Акихиро учтиво-безразлично помог покинуть транспортное средство и придержал меня на тот миг, когда флайт с тихим шорохом отъехал, оставляя нас на растерзание встречающих.

Что странно – моей руки монстр не отпустил, хотя следовало бы. Ему полагалось идти на шаг впереди, мне – на шаг позади, склонив голову и совершая маленькие быстрые шаги. Но младший господин почему-то забыл о такой важнейшей детали, как необходимость соблюдать правила, приличия и традиции!

Крепко сжав мою ладонь, он вальяжно-флегматично направился к ступеням, едва ли одарив взглядом прислугу и довольно холодно взглянув на мать, которая шагнула к нему навстречу, уже начав возмущенно дышать, потому как…

мы нарушали традицию, да. Мы ее даже фактически уже нарушили, отрицать это было бы глупо, но Акихиро и не отрицал.

У этого монстра, кажется, было правило – не хочешь отрицать, доведи ситуацию до абсурда. И потому, вместо того чтобы, повинуясь возмущенному взгляду матери, отпустить меня, он лишь холодно произнес, проводя меня мимо женщины, подарившей ему жизнь:

– Моя невеста неприкосновенна. Я говорю это один раз и хочу быть услышан и правильно понят.

Он произнес это невозмутимо и глядя так, словно мать не замечал вовсе, но мне вдруг стало безумно жаль эту красивую, как фарфоровая статуэтка, женщину, которая стояла с широко распахнутыми глазами, сегодня синими, и практически не дышала, словно ее дыхание было выбито одним жестоким ударом.

И когда Акихиро начал подниматься по ступеням с невозмутимостью ледяной глыбы, я все оглядывалась на его мать, которая, словно вовсе лишившись зрения, стояла, застывшим взглядом глядя прямо перед собой и даже не шевелясь. И при этом на лице – ни единой эмоции, никакого оттенка чувств, ничего. Куколка с идеально белой кожей, алыми губами, черными, собранными волосами, в нежно-розовом каимичи… качимичи… не помню, как называется этот третий наружный халат, подвязанный сегодня синим поясом, в тон к которому был подобран и цвет глаз моей условно «почти свекрови». Но, несмотря на то что ее лицо не выражало никаких эмоций, она вся была напряжена как струна, и… слова сына, поступок сына, поведение сына – были для нее ударом. И такое ощущение, что сокрушительным.

И вся моя воспитанная в иной культуре душа волной поднималась против подобных… действий. Но один взгляд на Акихиро – и я промолчала. В чужой монастырь со своей отравой не лезут, так что я заставила себя промолчать.

– Правильное решение, – не взглянув на меня и словно вообще не видев, кого властно вел за собой, произнес он.

Отвечать я не стала – мы почти приблизились к «старшему господину».

Низкий церемонный поклон мой, едва склоненная голова «младшего господина» и взгляд, более чем осуждающий взгляд Адзауро-младшего. Адзауро-старший не выдержал этого молчаливого осуждения и, опустив голову, отступил, позволяя нам войти в дом.

И… я вот сейчас ничего не поняла.

Понятное дело, дед Адзауро совершил не слишком разумный поступок, пойдя на открытый конфликт с местной мафией, но исправил же ситуацию, к примеру, нас вызвал, так что я не видела никакой причины для осуждения со стороны «младшего господина».

И вдруг мир словно перевернулся, и я оказалась на руках Акихиро.

– Ты что творишь? – не сдержала возгласа.

– Следую традициям Гаэры, – усмехнулся он.

И перенес меня через порог своего дома.

Три шага, и уже в сумраке здания Акихиро опустил меня на пол и, указав на лестницу, приказал:

– Иди к себе, я подойду позже.

На мой возмущенный взгляд ответом была ледяная усмешка и жест, указующий на лестницу, ну, это так, если я с первого раза не поняла.

«Кей, не нагнетай, – раздался в наушнике голос Слепого. – Внутри поместья ситуация под контролем».

По факту на этом задании мы со Слепым были на равных, да, Исинхай поднял меня практически до высшего уровня, но Слепой был моим начальником несколько лет, а потому я подчинилась. Молча позволила быстро подошедшей служанке снять с меня туфли, стараясь не скользить на натертом до блеска деревянном участке пола, дойти до столь же скользкой лестницы и подняться наверх, почти не оборачиваясь.

Обернулась, уже входя в галерею. Младший господин стоял, пристально глядя, и, кажется, не отводил от меня взгляда все то время, пока я поднималась… Неприятный холодок какого-то мало объяснимого ужаса пробежался по спине.

* * *

В моей комнате все было практически по-прежнему, ну, кроме того, что кровать, балдахин и часть мебели заменили. Учитывая, что моя кровать была чем-то вроде матраса на циновке, особо менять было нечего. В остальном – шкаф, встроенный в стену, маленький столик без стульев, то есть для сидячего на полу образа жизни, стоял близ окна. Икебана на нем не радовала, букетов живых цветов мне не полагалось.

Стянув ненавистные белые носочки с ног, прошла уже уверенно и, не поскальзываясь на каждом шагу, в ванную комнату и начала переодеваться. До обеда оставалось еще полтора часа, территория поместья контролировалась Слепым, так что я могла тупо расслабиться.

«Как он тебе?» – раздался в наушнике голос ранее шефа, теперь практически партнера.

«Монстр. Умен, наблюдателен, не лишен эмпатии, соответственно, на порядок опаснее всех. И да, одна маленькая проблема – это очень непредсказуемая сволочь, Слепой. Крайне непредсказуемая. Ждем проблем».

«Куда ты сейчас?» – не став комментировать мои наблюдения, спросил Слепой.

«Пробегусь».

«У тебя урок танцев», – напомнил он.

«Пробегусь!» – настояла я.

«Кей, в чем проблема?» – мгновенно понял, что что-то здесь не так, напарник.

А я… не знала, что ответить.

«Кей?» – позвал Слепой.

Не ответила.

В три движения собрала высокий хвост, зафиксировала его второй резинкой. Сорвала с себя манерно-модную одежду в стиле Ятори, натянула спортивные штаны, спортивный лиф, безразмерную майку поверх, завязала кроссы и пошла не к двери – к окну.

«Камера 245, отключение на три секунды», – скомандовала системе.

Классический яторийский стиль постройки домов давал немалое преимущество для любых побегов через окно, так что трех секунд мне хватило, чтобы спрыгнуть на землю в цветущем, насколько я поняла, почти вечно цветущем саду.

Еще секунд пятнадцать на стометровку, чтобы преодолеть открытый участок сада. Через первую стену я перепрыгнула, с разбега взбежав на нее, вторую миновала уже через охранный пункт, прыгать через это ограждение было себе дороже, и сорвалась на бег, едва оказавшись в пространстве между внешней и второй стеной, месте, которое просматривалось только камерами охраны, причем нашей.

В наушниках гремела музыка, на визоры транслировались языковые упражнения от Леи Картнер, в сознании билась высказанная Слепым фраза: «Кей, в чем проблема?»

Я не знала.

Снизив скорость бега до условно средней, я пыталась понять, что мне так сильно не понравилось, и… не понимала. Убогая планетка? Не буду спорить. На Ятори технологии давно шагнули за грань разумного, но вместе с тем человечность тоже шагнула, причем это был шаг назад, и тоже за грань, только уже другую – грань того, что отличает человека от… монстра. Семья? Любовь? Привязанность? Здесь каждое из этих слов было пустым звуком. Вместо семьи почитался род. Любовь заменил обычный расчет. Привязанность была слабостью, а потому монстры, закончившие Камуку, ею себя не обременяли в принципе. И это не то

чтобы для меня стало шоком – мы работали и в худших условиях. Но что-то задело. Задело настолько, что в какой-то момент я остановилась и перешла на шаг.

Потом поняла.

Его отношение к матери.

Вот что меня ранило. Дохлый дерсенг, я бы жизнь отдала за то, чтобы обнять свою маму. А он прошел мимо собственной так, словно эта женщина была для него пустым местом. Он не взглянул на своих сестер. Он… как киборг. Или искин. Не знаю, что хуже, но и у тех, и у других эмоционально-гуманистическая составляющая отсутствует как таковая.

И вновь переходя на бег, я подумала, что нужно просто изменить свое восприятие этой ситуации, снизить важность, как сказал бы Исинхай. Просто снизить важность. Я смогу, не впервой.

* * *

Еще полчаса бега, и, собственно, пора было завязывать.

Разминая шею, я направилась к нашему пункту охраны и остановилась, не дойдя двадцати шагов, по причине того, что охрана Адзауро мне не понравилась. Не то чтобы они мне нравились ранее, узкоглазые для меня лично были почти все на одно лицо, в том смысле, что лица у них были закрытыми, только прорезь для глаз и наличествовала для распознавания, но вот конкретно эти трое, стоящие на одном из постов близ восточных ворот, мне не понравились. Понятия не имею, с чего бы.

Привычная для Ятори форма охраны – свободные штаны, свободная рубашка на запах, свободная, в основном частично декорированная тканью кольчуга поверх, все как всегда… но что-то было не так. Я оперлась о стену, прикрыла глаза на миг, словно устав от бега, и перешла на пси-связь. Импульс тревоги ушел Слепому, а я вновь вернулась в реальный мир и еще пристальнее вгляделась в охранников.

Усмехнулась, оттолкнувшись от стены плечом, и направилась на встречу смерти. Естественно, не своей.

Они напали разом, не сговариваясь, не сказав ничего мне, никак в принципе не выказав агрессивных намерений. Быстро, молча, уверенно и глупо до невозможности. Центральный получил удар в кадык с ходу и упал, захлебываясь кровью, атаковавший слева немного удивился, напоровшись на свой собственный кинжал, а вот с правым пришлось повозиться. Правая сторона у меня вообще не самая рабочая, так что без слов, звукового сопровождения и в целом в полнейшей тишине я получила удар по ребрам, и те заныли, еще не до конца восстановившиеся после последней операции, а он получил перерезанное горло, и вот это уже был провал – следовало хоть одного оставить в живых. Мой косяк.

Досадливо вздохнув, я вытащила салфетки и, вытирая кинжал, пошла дальше к нашим. А к этим, конвульсивно дергающимся на земле, уже спешила местная охрана.

И только дойдя до пункта контроля, я поняла, что ребро мне, кажется-таки, сломали.

* * *

– Ты как? – спросил Слепой, едва я вошла в каморку, где экранов было раз в двадцать больше, чем иных предметов мебели.

– Нормально, – усаживаясь на пол, безразлично ответила я.

Привычный вопрос, привычная ложь в ответ.

Я сидела на полу, откинув голову назад, ощущая затылком холод камня, и… сходила с ума от неизвестности. Не по поводу нападения, нет – это было предсказуемо, а полученная травма являлась всего лишь моей ошибкой, и это мелочь – умнее буду в итоге.

По факту, тревожил меня исключительно Исинхай.

Для человека, потерявшего всю семью, тот, кто ее заменил, становится важнее собственной жизни.

Активировала сейр, открыла экран, просмотрела входящие. От Исинхая ничего. Ни-че-го. Я с ума здесь сойду, потому что совершенно точно знаю – даже если его убивать будут, он мне напишет ровным счетом то же самое, то есть – ни-че-го.

– Смотри-ка, младший господин заявился, – отвлек меня от раздумий Слепой.

Я поднялась, сдержав стон, подошла ближе – а там действительно было весело. В смысле, все бегали, суетились, срывали маски с убийц и обыскивали трупы, а Адзауро-младший стоял надо всем этим, заложив руки за спину, с ничего не выражающим лицом. Он не произнес вообще ни слова, но начальник охраны рухнул на колени и перерезал себе горло. Сам. Ятори – страшная планета. У нас не оправдал ожиданий – пошел тренироваться, дабы их оправдать со второй попытки, а тут поражений не прощали никак и ни в чем.

Внезапно Акихиро развернулся и направился к нашему пункту охраны. Уверенно, спокойно, меланхолично даже, но крайне целенаправленно. И мы со Слепым, в некотором легком офигении, проследили за тем, как этот киборг с идеальной внешностью за три секунды взламывает нашу систему охраны, а, собственно, после этого являет нам свой светлый лик.

Слепой от случившегося был в таком шоке, что даже не успел прикрыть глаза визорами, а потому смотрел на младшего господина всеми своими двумя сотнями глаз, пересаженными ему каким-то сумасшедшим профессором от одного из насекомообразных.

Странное дело – Акихиро никак не отреагировал на нестандартный орган зрения Слепого. Лишь скользнул по нему равнодушным взглядом, а вот в отношении меня снизошел до вопроса:

– Ты в порядке?

– Конечно. – Мне врать – все равно что дышать, вообще никаких проблем не доставляет.

Но, как оказалось, у яторийских социопатов вранье не прокатывает.

– У тебя сломано ребро. Идем, – произнес он вроде как совершенно безразлично, но вместе с тем… это был тот тон, которому на чисто интуитивном уровне хотелось подчиниться.

Любому, но не мне.

– Я в норме, – не согласилась с его приказным тоном.

И Адзауро, повернув голову, посмотрел мне в глаза.

Что было в этом взгляде? Да дерсенг его знает. Мне оказалось проще смотреть в сетчатые глаза Слепого, они после нескольких лет совместной работы уже не пугали, а от взгляда «младшего господина» стало как-то нехорошо. Словно на меня сквозь прорези маски абсолютного безразличия смотрел безусловно разъяренный мужчина. Мужчина в состоянии с трудом контролируемого бешенства. Жесть. Просто жесть. Жутко так. И особенно жутко от осознания, что некоторая изнеженность и манерность Адзауро-младшего тоже вполне может оказаться только маской. Просто маской. Всего лишь маской…

– Вам запрещено покидать пределы второй стены, – внезапно вспомнила я.

Кстати, это правило. Собственно, поэтому я и бегала между внешней и второй стеной – точно знала, что там если на кого и нарвусь, то на убийц или охрану, не более.

И тут крошка-Чи удивил:

– Тебе, как моей невесте, запрещено покидать пределы первой стены, маари.

– Мари, – раздраженно поправила я.

Лицо Адзауро оставалось все той же бесстрастной маской. А мне мало что оставалось в принципе.

– Как скажешь, – раздраженно ответила ему.

И направилась к выходу из кабинки.

Выйти просто так не удалось – Акихиро стоял в проходе и не затруднил себя необходимостью сдвинуться даже на миллиметр, так что мне пришлось протискиваться мимо под его пристальным взглядом.

И я не знаю, каким образом, но, когда я протискивалась мимо, Адзауро нанес удар. Легкий, но точный. Связь с реальностью начала теряться мгновенно, в глазах потемнело, а в следующую секунду младший господин уже нес меня куда-то.

Еще через секунду я потеряла сознание.

* * *

Запах медикаментов, спирта, чего-то раздражающего, яркий свет в лицо, и я распахнула глаза, с трудом сдержав рвущийся из груди крик.

– Тихо, я рядом, – невозмутимо уведомил Адзауро. – Все хорошо.

А вот уже было ложью.

Хорошо не было.

Я лежала на больничной койке с приспущенными штанами, без майки и с бинтами, перетянувшими тело от талии практически до груди.

– Ты всегда настолько бесполезна? – вдруг поинтересовался Акихиро.

Вопросительно вскинула бровь, пристально глядя на него. Наверное, сейчас мое лицо было более чем бледным. Потому что я… я до крика боюсь больниц, бинтов, кушеток и чувства собственного бессилия во время потери сознания! Это самое страшное для меня. Самое жуткое. Мой оживший кошмар, беспрестанно терзающий по ночам. Для абсолютной паники не хватало только ремней, приковывающих меня к койке.

Так что несколько секунд я дышала.

Просто дышала, пытаясь заставить свое подсознание поверить, что вот это все – не повторение некогда случившегося, это просто у Адзауро-младшего проблемы с головой. У него, а не у меня.

– Еще раз так сделаешь, огребешь по полной. – Я рывком поднялась и зло посмотрела на младшего господина.

Акихиро не сказал ничего, просто молча протянул руку, предлагая помощь в слезании с кушетки. Смерила его ледяным взглядом, спрыгнула с кушетки сама и принялась срывать с себя датчики. Сорвав, прошла к двери, захватив по пути свою испачканную кровью майку, и, уже когда открыла двери, услышала задумчивое:

– Забавно, ты не испугалась нападения. Лишь разозлилась, когда я вырубил тебя. Но по-настоящему пришла в ужас, осознав, что находишься на больничной койке. С чего бы, Кей?

Выходя, я громко хлопнула дверью.

Надеюсь, этого было достаточно для ответа.

* * *

Дворец рода Адзауро я хорошо изучила еще до прибытия, знала все – от тайных ходов до узких коридоров для прислуги, ими и воспользовалась, чтобы не пугать никого окровавленными бинтами.

До своей комнаты добралась быстро, не обращая внимания на двух мгновенно склонившихся при моем появлении служанок, прошла в гардеробную, отшвырнула майку, постояла перед зеркалом, рассматривая повреждение. Подлатали меня на удивление качественно, но… бинты не были тем, что я могла терпеть на своем теле. Они бесили. Они пугали. Они будили прежние страхи. Они… выводили из себя.

Сходив в ванную, тщательно вымыла руки, затем достала из своего рюкзака спирт, обезболивающий спрей, переносной гелликс и… безжалостно разрезала бинты.

Неприятным открытием стало то, что удар мне нанесли с применением оружия, а я даже не ощутила этого. И сейчас с некоторым недоумением рассматривала наложенные швы и собственно сам порез. Странно, что не ощутила.

«Потому что это шиноби, Кей», – прозвучал в наушнике насмешливо-флегматичный голос.

Мгновенно надела визоры, просканировала комнату, обнаружила четыре камеры – первая располагалась в зеркале, напротив которого я стояла в одном белье, рассматривая рану.

«Не переживай, если уберешь – установлю новые», – с издевкой произнес тот, кто их установил.

– Не переживаю, – достав скальпель, безразлично ответила я. – По факту, мне плевать – это тело давно перестало быть моим.

И я рассекла швы под шипение того, кто отдал приказ их наложить.

Два забора крови из поврежденных участков кожи продемонстрировали то, о чем я уже догадалась: нападающие использовали смесь яда и обезболивающего, нанесенного на лезвия их оружия. Что ж, следовало бы учесть.

Не обращая внимания на потекшую по телу вниз кровь, промыла рану повторно, сжав зубами деревянную заколку, нанесла спецгерметик и заставила себя стоять без движения все те адские сорок пять секунд, в которые он невыносимо жег. Больно, да, но это был куда более приемлемый для меня способ, нежели бинты. Я сказала Адзауро правду – это тело давно перестало быть моим, но все мои страхи в нем все еще жили.

И когда рана была спаяна намертво, я закрепила поверх нее лишь пластырь. Постояла, вцепившись в края раковины и пережидая слабость, затем вырубила

все камеры «младшего господина», разделась и залезла под душ.

Хотелось орать. В голос. Выть. Бить кулаками по стене. Хотелось прекратить все это одним точным выстрелом, одним ударом сталью, одним прыжком с достаточной для реализации самоубийственного плана высоты и… хотелось быть на Гаэре. Рядом с Исинхаем. Прикрывая Исинхая. Защищая того, кто был единственной причиной, по которой я еще не свела счеты с жизнью.

И я стояла под холодными струями воды, подставляя лицо водному потоку, который смывал слезы, не оставляя и следа…

Звук входящего сообщения, и я проваливаюсь в пси-связь, теряя контакт с внешним миром.

* * *

Здесь, в этой части моего подсознания, всегда было темно, тепло и уютно. Еще здесь горел огонь в камине, а Исинхай сидел прямо передо мной, скрестив ноги и вглядываясь в меня такими умными, все понимающими и все замечающими глазами.

– Как ты? – спросил шеф, находящийся в нескольких сотнях световых лет от меня.

– В норме. – Ложь – лучшая из моих привычек.

– Проблемы? – последовал новый вопрос.

– Решу. – Вот это уже было правдой.

Исинхай кивнул и перешел к неприятному:

– Адзауро-младший?

На этот раз я несколько помедлила с ответом на пару секунд, но все же…

– Непредсказуем, – обозначила, наконец, основную опасную черту характера Адзауро.

– Плохо, – задумчиво произнес Исинхай.

– Справлюсь. – Тоже правда.

И вопрос, который я не могла не задать:

– Как вы?

Шеф улыбнулся мне и тоже солгал:

– В норме.

В норме он не был. Это знала я, это знали его самые близкие сотрудники. Исинхай не был в норме, Исинхай был в стадии перехода на новый уровень своей жизни. Более пятнадцати лет он по праву занимал положение короля преступного мира, мне казалось, нет никого более влиятельного, чем он, но… Когда с Гаэры увезли Киран МакВаррас, шеф изменился. Когда вслед за дочерью нашу планету покинула и ее мать, женщина, которую Исинхай безответно любил столько лет… это его сломало. Просто сломало. Нет, внешне он оставался прежним, почти, но внутренне… Осознав, насколько слаб, находясь на позиции противостояния закону, Исинхай принял решение встать на сторону правительства. И встал. Спустя несколько месяцев он получил пост главы разведуправления, и это было бы круто, по-настоящему круто, но к тому времени Киара МакЭдл уже была замужем и помощь Исинхая ей не требовалась.

Вот это было уже страшно.

Человек, которого я любила и уважала как отца, медленно превращался в собственную тень, и его глаза угасали, как угли безветренной ночью – медленно и неотвратимо. Что ж, возможно, пост главы разведуправления пришелся очень кстати – такая должность требовала от Исинхая постоянной работоспособности все двадцать четыре часа в сутки. И он старался сделать все возможное для своей новой страны, он практически растворился в работе, одновременно и вникая в курс дел, и контролируя агентов, и даже прикрывая

наших, но… кадеты S-класса восприняли его кандидатуру на место всеми любимого Багора как плевок. Исинхай был не из их круга. Он не был ни S-классом, как все они, не относился и к классу Титан, как Багор. Шеф не принадлежал к военной элите, и военная элита не пожелала ему этого простить. Против Исинхая практически восстали все приближенные к Багору, и в первых рядах была Сейли Эринс. А если Эринс начинала под кого-то копать…

– Я бы хотела вернуться, – честно призналась шефу.

Исинхай отрицательно покачал головой и произнес:

– Кей, ты единственная, кого Адзауро-младший подпустит достаточно близко. Месяц – срок небольшой, ты справишься.

Я-то да, а вы?! Естественно, шефу этого не сказала, но…

– Для меня это будет долгий месяц, – выдохнула, сдерживая порыв хотя бы его обнять.

– Ты справишься, Кей, – уверенно произнес Исинхай.

И отключился.

* * *

Я пришла в себя, стоя во все той же душевой кабине, привалившись спиной к стене и тяжело дыша.

«Ты справишься, Кей…»

Шмыгнув носом, вытерла слезы, вышла из душа, замоталась в полотенце, прошла в комнату и, не реагируя на служанок, которые уже раскладывали мой «костюм для веерного танца», написала Лее Картнер:

«Есть возможность обойтись без танца?»

Картнер ответила не сразу, что не удивительно, у нее у самой дел было по горло плюс беременность. А потому входящее сообщение пришло на сейр уже в тот момент, когда меня заворачивали в пятый халат.

И ответ не радовал:

«Кей, мне сложно сказать. Хочется верить, что Ятори изменилась и продолжает меняться, очень хочется. Но были времена, когда на моей планете невесте, что не сумела справиться с веерами, отрезали руки и возвращали семье».

Нехило так.

Ну руки мне, допустим, не отрубят, силенок не хватит, да и я не невеста, но… без танца, похоже, не обойтись.

«Иногда техническую сторону танца гораздо более успешно заменяет артистизм», – попыталась найти хоть какой-то выход из положения Картнер.

«Стриптиз подойдет?» – пока мне мазали все лицо белым гримом, поинтересовалась я.

«Определенно вызовет интерес, но… Кей, там будут дети. Принятие невесты – семейное торжество. И если чаепитие проходило в ограниченном кругу, то на танец вееров соберется весь род», – ничуть не обрадовала меня Картнер.

То-то я смотрю, к дому все съезжаются и слетаются флайты.

«Ясно, – ответила языковому специалисту. – Спасибо».

«Не за что, – мгновенно ответила Лея. – Отпишись, как все пройдет».

«Если будет чем». – Мой юмор в основном всегда был черным.

«Не смешно», – ответила Картнер.

А затем вдруг написала:

«Моя прапрабабушка, чьи дневники сохранились невероятным образом в нашем доме, в мемуарах упомянула, что свой танец невесты она сделала исключительным, просто налив клея в свои гэта».

Хм, а вот это уже было очень интересной идеей. Мне и первая идея Картнер понравилась сразу, халаты длинные, так что я могла просто надеть те самые «дневные» гэта, то есть повседневную обувь, к которой уже привыкла и на которой вполне сносно могла передвигаться, но, так если посмотреть, клей не помешает точно и танцевать станет проще на порядок.

«Поняла», – отписалась Лее.

«Удачи», – пожелала она.

Я же была вынуждена передать обе свои ладони в распоряжение служанок. Они наносили рисунок. Нежно-розовые хризантемы на моей белой коже, в тон тем, что белоснежными цветами покрывали розовый шелк верхнего халата, украшали мою прическу заколками с гребаными висячими цветочками, и даже на веерах были все те же хризантемы.

«Невеста должна распуститься как божественный благословенный красотой цветок» – примерно так оно у них называлось. Поэтому смело можно было переименовывать танец вееров в танец хризантем, потому как они же являлись орнаментом деревянных сандалий, напоминающих две не слишком удобные скамейки. То есть они были бы неудобны даже как скамейки, что уж говорить об обуви?! И этим реликтовым ноголомам было свыше тысячи лет – их принесли в деревянном ларце, размотали из рулона традиционной яторийской рисовой бумаги и теперь стряхивали с них пыль пучками чьих-то перьев. Не хочу знать чьих.

А вот то, что я очень хотела бы узнать, так это почему данные ноголомы принесли сейчас, а тренировалась танцевать я совершенно в других?! И те, другие, были с подошвой раза в три меньшей, чем эти!

В общем, вариант втихаря сменить их на более удобные шлепанцы не прокатит. Это было досадно, обидно, но не смертельно. Потому что Лея Картнер, спасибо ей огромное, подкинула еще и идею с клеем.

В принципе было довольно кощунственно осознавать, что я сейчас самым вандальным способом надругаюсь над семейной реликвией Адзауро. Но тут одно из двух: или я над ними, или они надо мной, а сломанная шея определенно не то, чем бы я хотела обзавестись в ближайшее время.

И потому, когда на меня с трепетом надели эти… назвать их обувью язык не поворачивался, я потребовала, чтобы меня оставили одну.

Вполне объяснимое требование – мне полагалось нервничать, но нервничать при служанках означало потерять лицо, соответственно, они тактично вышли, предоставив мне возможность попсиховать в одиночестве.

Психовать времени не было. Я выскользнула из деревянных гэта, придерживая изуродованные хризантемами шелковые халаты, пробежалась в ванную, из рюкзака достала клей, наиболее сильный из имеющихся, так, на всякий случай, и, вернувшись, масштабненько смазала внутреннюю часть сандалий.

И уже вот теперь скользкая поверхность вполне основательно сцепилась с носками – хотя бы ходить можно было нормально, не боясь рухнуть с высоты сантиметров в двадцать! Я вообще не понимаю, как на этом можно танцевать, если оно внутри за столько лет стало скользким, натертым до блеска деревом? И как-то запоздало пришла в голову мысль: для Адзауро-старшего было важно, чтобы я справилась с задачей, соответственно, он предоставил бы мне реликт для тренировок сразу же, но нет, танец я учила в других реликтовых гэта, которые тоже доставали из ларца, разматывали из рисовой бумаги, давали мне, после полировали и прятали обратно. В общем, все это было как-то странно.

Возможно, стоило присмотреться к этим гэта повнимательнее, но сандалии были уже намертво приклеены к носкам, а вытаскивать ноги из носков я посчитала не слишком разумным, в общем, буду танцевать как есть.

В двери осторожно постучали, намекая, что время на психоз ограничено, ну и в целом уже закончилось.

Я бросила последний взгляд на себя в зеркало.

Пять шелковых халатов смотрелись весьма неплохо, пояс вполне мог заменить корсет, волосы были чуть присобраны наверху и заколоты двумя заколками по

бокам, остальная часть свисала до пояса, ну, потому как я невеста. Что-то вроде свидетельства моей невинности, а жены и познавшие мужчину женщины носили волосы собранными, но, на мой личный взгляд, это было идиотизмом – мы на Ятори, здесь чтобы кого-то реально «познать», надо пару психологических образований, лет двадцать практики и возможность применять сыворотку правды во время сеансов. И то не факт, что после всего этого удастся хоть что-то познать в этих социопатах.

Не понимаю я эти традиционные заморочки, в общем.

Белила мне шли не особо, кожа и так была довольно бледная, так что белила добили окончательно мой образ живого создания, и теперь я выглядела как утопленница первой свежести. В смысле, распухнуть еще не успела, а побелеть уже даже вполне. На бледном лице особенно выделялись синие глаза, и я бы с удовольствием надела линзы, чтобы это исправить, мне больше нравился более бледный оттенок, но когти мне наклеили прежде, чем я вспомнила о цвете глаз. В общем, незачет и здесь. Но апофеозом кретинизма были ярко накрашенные алым губы.

Да, на абсолютно белом, словно фарфоровом, лице ярко-алые губы. Атас просто. Мне шло, как танаргскому гаракхаю розочка в ежике коротко стриженных волос. То есть по-идиотски это выглядело. И ладно бы еще было в тон к одежде, но нет – алыми оставались только губы. В остальном белый, нежно-розовый, ну и хризантемы везде, где только можно было их впихнуть. У меня даже серьги были с живыми хризантемками, вдетыми в золотые колечки.

И может быть, все это не смотрелось бы так по-дурацки, если бы я была как большинство яториек брюнеткой, но я блондинка. С яркими золотистыми волосами. В общем… слов нет, да.

И чувствуя себя фарфоровой куклой какого-нибудь мастера, напрочь лишенного художественного вкуса, я поковыляла к дверям. Именно поковыляла. Даже с приклеенными к носкам сандалями ходить было зверски тяжело, я не представляю, как бы справилась без клея. Но на этом кошмар не закончился – я веера забыла.

Пришлось от двери ковылять обратно к трюмо, забирать тяжеленные веера, каждый с половину моего тела размером, и снова ковылять обратно к двери,

в которую стучали уже не тактично, а очень даже настойчиво.

Когда я распахнула дверь, стало ясно, что держать лицо – явно не моя сильная сторона, потому что выражение у меня было зверское – даже служанок передернуло. В результате одна из них сочла необходимым едва слышно сообщить:

– Невеста должна излучать красоту, гармонию и покорность.

Вдох-выдох, и я постаралась хотя бы взять себя в руки. Хотя, если честно, хотелось бы взять в руки не себя, а катану. Или пару термитных зарядов. Определенно, второе было бы лучше.

Но, выпрямив спину и чуть опустив голову в попытке соответствовать заявленной роли, я пошла вслед за служанками, раздумывая о том, что руки могу поотрывать и сама, причем каждой твари, которая не оценит мой танец по достоинству. А неплохая идея, кстати.

Мы прошли Фарфоровую галерею, отличающуюся тем, что здесь повсюду стояли фарфоровые вазы хрен его ведает какой давности, спустились по витой лестнице Хризантем. Шикарная была лестница – никаких перил. Вообще. Лети себе птичка, лети, если оступишься на одной из полусотни узких ступеней. Не знаю, сколько хожу по ней, все время думаю – это такой способ прорядить женскую составляющую рода Адзауро? Просто у мужиков лестница другая – во?первых, нормальная, а не винтовая, во?вторых, с широкими ступенями, в?третьих, с перилами. Серьезно, я не понимала, это что – естественный отбор для самых неуклюжих?! И ладно я, у меня боевая практика, но как тут ходят другие невесты, это вот уже интересно.

– Госпоже помочь? – опомнились к концу лестницы служанки.

Нет, госпожа сама доковыляет, спасибо, все равно пять ступеней осталось, а в целом интригующая эта лестница Хризантем. Я так понимаю, у нее имелась вполне себе существенная роль в регулировании любых споров. Появилась соперница? Шкурка от банана плюс лестница Хризантем – и вот уже нет соперницы. Не понравилась новая служанка? Легкий толчок на лестнице Хризантем – и нет служанки… В общем, интересная штука, явно в хозяйстве очень полезная.

– Благодарю вас, не требуется, – ответила служанкам.

Они, конечно, выглядят вполне себе мирными, но… уходя вчера ночью через окно, дверь в комнату я заперла, а второй ключ находился как раз у этих вот милых, внешне очень покорных и добрых личностей, и именно им воспользовалась моя «свекровь», решив «навестить» невесту своего сына, так что едва ли у меня были причины доверять прислуге.

Когда я ступила с последней ступеньки на пол, с трудом удержалась от выдоха полного облегчения, но один взгляд на пол, и я поняла – радоваться рано.

От лестницы Хризантем до дверей, ведущих в мраморный и скользкий холл, надо было пройти по деревянному полу. И если я надеялась, что это будет легко, то зря – добрые личности, покорно окружающие меня, умудрились натереть деревянный пол смесью масла и воска. Пол теперь празднично блестел, явственно приглашая меня празднично на нем навернуться…

– Хорошо пол… натерли, – стараясь не сорваться, «похвалила» прислугу.

– Ради вас, младшая госпожа, – с видом абсолютной невинности ответила исаку Толла – старшая над служебным народом.

Вот стерва же, а!

Миновать этот достойный звания самого безукоризненно-скользкого катка пол мне помогли две вещи – клей и сноровка. Ну еще и веера неплохо работали в качестве сопутствующих инструментов для балансировки. Самое паршивое, что эти вот такие добрые и покорные на вид личности по прямой не пошли, благоразумно обойдя «территорию риска» и держась ближе к стенам. Кажется, крыса тут не я, крысы тут они!

И я вам, гадюки, еще устрою!

Гордо вскинув подбородок, я прошла до дверей и остановилась, ожидая, пока их откроют. Служанки не торопились, все еще искренне надеясь, что я грохнусь. Это они зря.

Не оборачиваясь и стоя возле дверей все так же, с ровной спиной и гордой осанкой, я тихо, но очень отчетливо произнесла:

– За последние три недели в поместье Адзауро имели место четыре кражи и… скажем так, «несколько» половых актов. И я тут подумала, будет ведь очень грустно, если вдруг каким-то неожиданным образом ваши хозяева об этом узнают? Вы со мной согласны?

Они рванули к дверям все и, кажется, разом. Большая половина грохнулась украшать празднично натертый пол, а две обошедшиеся без травм, с поклоном, распахнули для меня двери и…

Я сильно пожалела, что вообще ступила на эту тропу танцев.

Я просто не понимала, на что подписалась.

А яторийцы слишком тихая нация, и потому… все примерно сто пятьдесят человек сидели безмолвно в холле дворца Адзауро! Полторы сотни человек! Дохлый дерсенг, кто ж мог знать, что их так много?!

И все они сидели на праздничных циновках, оставив небольшую часть свободной территории у лестницы для моего «танца». Причем расстояние было метр на метр, не больше, и это при том, что танец следовало начать с двенадцати шагов… Где я тут шагать вообще буду? По головам?!

Они вообще осознают, что делают? Или это такая попытка сделать мне еще приятнее, чем было? Так уже и так приятно, приятнее просто некуда. А между тем в холле начал гаснуть свет, скрывая зрителей и высветляя меня. В смысле, на меня направили прожектор, один из трех, два других избивали ярким светом тот убогий квадрат, которого было более чем недостаточно для моего танца.

И я поняла, что это провал.

Я не смогу. Дойти еще да, но танец… Как? Просто как? Недостаточно пространства для маневров, я даже веера полностью раскрыть не смогу, не говоря о танце, я… я вдруг поймала на себе знакомый взгляд. Стараясь сохранять на лице присущее невесте бесстрастное выражение, вгляделась

в фигуру, окутываемую сгущающимся сумраком, и неожиданно узнала – это был тот самый парень, которого я сегодня наградила воображаемым другом.

Стоящая рядом гадюка… мм-м, в смысле, старшая над прислугой исаку Толла поклонилась и с благоговением произнесла:

– Младший принц почтил нас своим присутствием и преподнес вам императорские гэта для танца невесты. Щедрый подарок.

Подарок?! Серьезно?!

И тут я вспомнила слова Акихиро: «Ты с легкостью взломала линзы второго наследника императора». То есть эти вот ноголомы – это месть! Потрясающе!

– Непременно поклонитесь младшему принцу в благодарность за дар, – совершенно серьезно сказала исаку Толла.

Держать лицо становилось все сложнее с каждой секундой. Императорские гэта?! Дар?! Правда?! Как минимум для того, чтобы поклониться по всем правилам местного этикета, мне придется положить веера на пол – передавать их кому-либо я не имею права до тех пор, пока не уроню оба в грациозном жесте распустившейся хризантемы, в смысле, когда дотанцую танец. То есть на двадцатисантиметровой платформе гэта мне придется сначала, наклонившись, положить веера на пол, потом поклониться этому гребаному наследнику, а после максимально грациозно снова взять веера! Как они себе это представляют?!

– Поклонюсь, непременно. Благодарю за совет, исаку Толла, – стараясь не перейти на шипение, произнесла я.

В напряженной тишине забитого под завязку холла дворца Адзауро зазвенела струна сангэна, я встряхнула веера, раскрывая их, и собиралась сделать первый шаг из тех пятидесяти, что мне явно потребуются для того, чтобы доковылять до места экзекуции…

Как вдруг вторая струна, издав жалобный звон, казалось, лопнула!

Создалось именно такое ощущение, потому что она не успела дозвенеть до конца, как двустворчатые входные двери с грохотом распахнулись, впуская в затемненное, наполнившееся тишиной пространство поток света, лепестки сакуры, пение птиц, журчание ручьев и Акихиро, на миг неподвижно застывшего и потому показавшегося каким-то неестественным, неживым, слишком идеальным для любого из живущих, слишком… чудовищем. Прекрасный, лишенный эмоций и жалости монстр, ворвавшийся в место моего предстоящего позора и словно остановивший время.

Лицо младшего господина казалось алебастрово-белым, неподвижным, неестественно идеальным, но взгляд темных глаз, остановившийся на младшем наследнике императора, откровенно пугал. Как и этот чудовищный диссонанс – молодой мужчина с лицом бога и взглядом монстра… Я не суеверна, но на какое-то мгновение страшно стало даже мне.

И словно почувствовав это, Адзауро мгновенно повернул голову, и глаза его, казалось, потемнели сильнее, а я… я чуть не выронила оба веера.

И у них появился повторный шанс упасть, когда Акихиро очень тихо, но так отчетливо, что создавалось впечатление, будто прогремел гром, произнес:

– Моя невеста будет танцевать для меня. Исключительно для меня. И только для меня.

Его слова на миг зависли в воздухе, а после обрушились недовольным рокотом приглашенных гостей, возмущенным возгласом так подгадившего мне принца, попыткой главы клана Адзауро приструнить младшего господина… Но Акихиро стоял намертво. Мне даже подумалось, что, попади он под град летящих с гор камней, он выдержал бы и это все с тем же абсолютно лишенным выражения лицом. Но отсутствие эмоций вполне себе заменял темный холодный взгляд, и рокот недовольных голосов смолк, так и не обретя силу, потому что, кажется, всем здесь… просто стало страшно.

И даже я с трудом удержалась от испуганного шага назад, когда Акихиро решительно направился ко мне.

Призвав всю выдержку, на которую только была способна, я заставила себя стоять без движения, глядя, как этот монстр безразлично ступает, практически

не глядя под ноги, – гости с циновками сами пытались уклониться от столкновения, и Адзауро-младший шел, а остальные просто убирались с его пути, разбегаясь, как тараканы от луча света.

Жуткое сравнение, но я едва ли могла бы подобрать иной эпитет к происходящему…

Впрочем, я вовсе лишилась дара речи и способности мыслить, когда Акихиро приблизился.

Взгляд в мои глаза.

Взгляд на чрезмерно огромные гэта.

Ярость, промелькнувшая во взгляде, но никоим образом не отразившаяся на лице.

А потом мир внезапно перевернулся, и я даже не поняла, как Чи столь легко и естественно, словно мой вес вообще был абстрактным явлением, подхватил меня на руки и понес прочь из холла, к лестнице Хризантем, на которую взошел, даже не изменив дыхания, а после, уверенно шагая по Фарфоровой галерее, понес меня к моей комнате.

И все это время, пока я потрясенно смотрела на его алебастрово-бесстрастное лицо, Адзауро-младший не произнес ни звука, а я… у меня просто не было слов, зато имелся основательный шок от произошедшего.

Но все, что я смогла, – только сказать:

– Ты что творишь?

И то лишь после того, как за нами захлопнулась дверь моей комнаты.

– Ты… – у меня голос срывался.

Акихиро, никак не реагируя на мое потрясение, донес меня до циновки, медленно опустился на колени, усадил меня и посмотрел в мои глаза.

На какой-то миг я, скованная пятью шелковыми халатами и десятиметровым поясом, перестала дышать, словно окунувшись в бездонную черноту его глаз. И вздрогнула, лишь когда Адзауро вдруг перевел взгляд с моих глаз на измазанные алой помадой губы…

– Вызывающе, – абсолютно бесстрастно произнес он.

Но глаза, в отличие от лица и голоса, не просто пугали… в них отразился голод такой силы, что я стремительно дернулась, интуитивно и рефлекторно пытаясь отползти подальше.

Адзауро остановил мою панику одним насмешливым вопросом:

– Напугал?

– Кто? Ты? Нет. Нет, ты что. С чего мне тебя бояться? Я вообще не из пугливых, и уж тем более ты… Было бы кого бояться! – мгновенно затараторила я, но… это все было ложью.

Я перепугалась до крика.

До вопля, который непонятно как все еще зависал где-то у меня в груди, а не вырвался наружу, я…

Я снова перестала дышать, когда рывком, настолько резко, что я едва не ответила ударом веера, Адзауро вдруг навис надо мной и выдохнул у самых губ:

– Ты очень смелая. Я заметил. Да.

И он даже не попытался скрыть насмешку, которая никак не отразилась на его лице, но глаза…

– Слезь с меня! – прошипела, сжимая веера.

Легкая усмешка и еще более издевательское:

– А я и не залезал на тебя. Пока.

И он вернулся в исходное положение, стоя перед почти полулежащей мной на одном колене, а затем, не отрывая взгляда от моих глаз, очень медленно потянулся к моей ноге, приоткрытой полами распахнувшихся халатов. Нежные пальцы скользнули от колена вниз, заставив почувствовать себя внезапно чуть ли не актрисой эротического жанра, но затем рука Акихиро ухватилась за гэта и предприняла попытку избавить меня от императорской реликвии.

Попытку, потому что с клеем я слегка перестаралась, и императорская реликвия, кажется, приклеилась намертво.

Ситуация нарисовалась та еще.

* * *

Когда в дверь постучали, Адзауро-младший ржал. О нет, не вслух, более того, лицо его оставалось абсолютно серьезным, но, клянусь своей золотой медалью по спортивному обольщению, он ржал!

– Не смешно! – прошипела я, страдальчески взирая на носки, которые решили, что стать составной частью императорской реликвии – это неплохой такой карьерный рост.

– Даже не улыбнулся, – солгал Акихиро.

А на самом деле ржал он!

Оно и не удивительно – перед нами стояли императорские гэта сразу в комплекте с носками! И носки отрываться отказывались напрочь даже после того, как я использовала растворитель для клея, с помощью которого доснимала с себя сломанные в попытке отчистить реликвию накладные ногти.

– Кей, – Адзауро растянулся на моей циновке, подставив руку под голову и насмешливо глядя на меня, – расслабься. Переживут.

Главное, сам он не расслаблялся до тех пор, пока не стащил гэта с меня, и вот уже только после того, как мои ноги обрели свободу, он расслабился. А до того психовал похлеще меня, кстати.

В двери вновь постучали, и раздался осторожный голос исаку Толла:

– Младший господин, вы не можете находиться в комнате младшей госпожи, традиции предпи…

– Я в курсе, – ледяным тоном ответил ей Адзауро.

– Мы заняты! – не удержалась от возгласа и я.

За дверью вдруг воцарилось молчание, а затем прозвучало испуганное:

– Чем?

Я, сидящая уже давно только в одном халате, который запахнула, и тот держался только на честном слове, замерла, грызя ноготь в попытке счистить с него налипший клей, который не слишком хорошо подвергался удалению. Почему-то посмотрела на Акихиро, даже не знаю с чего решив, что он сейчас что-то придумает.

И он придумал!

О, он так придумал!

– Мы заняты надругательством! – громко объявил он.

И уже гораздо тише, исключительно для меня, коварно добавил:

– Надругательством над императорской реликвией. А ты что подумала?

Я что подумала? Я вообще ничего не думала, но исаку Толла ломанулась прочь по коридору, снеся один из экспонатов Фарфоровой галереи, выругавшись по данному поводу, но не остановив бег… Это ее и подвело. Где-то вдали раздался

вопль, а потом «шмяк», весьма характерный для тела, сорвавшегося с лестницы Хризантем и добравшегося до первого этажа гораздо более быстрым, но в то же время и более травматичным образом.

– Твою мать! – выругалась я, прислушиваясь к происходящему и искренне надеясь, что домоправительница выжила.

– Служение – путь, требующий спокойствия и сдержанности. Оступившийся падет больно, – с самым серьезным видом выдал Адзауро, покачивая ногой и безразлично глядя в потолок.

Хотелось сказать «придурок», но я вспомнила, как он по этой самой лестнице Хризантем без труда поднял меня, и… скажем так, проявила осмотрительность.

– А ты не хотел бы выйти? – вполне даже вежливо спросила я.

– Мне и здесь хорошо, – ровно отозвался младший господин, после чего добавил: – Брось их, Кей, это забота служанок, а не твоя. Побереги ногти.

Это был хороший, но явно запоздавший совет.

Я действительно швырнула гэта, осознав всю тщетность высвобождения своих носков, и ушла в ванную подпиливать то немногое, что осталось от ногтей.

И уже в ванной до меня дошло сообщение Слепого:

«Что произошло?»

«Я завалила танец невесты», – невесело ответила ему.

И получило неожиданное:

«Нет, тебе его не дали станцевать, об этом я в курсе. Что произошло в твоей комнате?»

Я как была с пилочкой, так и застыла. В моей комнате было две камеры. Мои и, соответственно, доступные для просмотра Слепого.

«Ты потерял управление?» – спросила, затаив дыхание.

«Да. С момента, как Адзауро открыл дверь», – добил меня Слепой.

Достав визоры, подключилась к системе, активировала просмотр, и… мне лично прекрасно были доступны обе камеры, и я видела и то, как со странной загадочной полуухмылкой лежит на циновке Акихиро, и то, как открывшие дверь служанки безропотно с поклоном уносят обувь, существенно подпорченную уже рваными носками, которые, увы, до конца оторвать не удалось, а затем вновь написала Слепому:

«Что за херня?»

«Ты меня спрашиваешь?» – несколько раздраженно ответил он.

«Да, – я попеременно переключалась с одной камеры на другую, и мне были доступны все расставленные по дому. – У меня доступ есть. Учитывая, что у нас один пароль, у тебя он, соответственно, так же должен быть».

На том конце раздалось невнятное ругательство, и Слепой констатировал пренеприятнейший факт:

«У меня доступа нет».

Оригинально.

– Маари, – между тем раздалось из моей комнаты, – между прочим, я жду.

– Чего? – спросила, проверяя пароль входа в сферу наблюдения.

– К примеру, благодарности, – сообщил Адзауро.

– А-а-а, – протянула я, не понимая, что за бред – пароль тот же, соответственно, Слепой должен был все видеть так же, – ну, жди дальше. В принципе это личное дело каждого, на что ему тратить свое свободное время.

Да в чем же проблема?!

Переключилась на свою комнату – улыбка Адзауро становилась все явственнее.

– Что ты сделал с камерами? – мрачно спросила я.

Усмехнулся и произнес:

– Отвечу. Возможно. После твоих слов благодарности.

Я вышла из ванной, прислонилась плечом к дверному косяку и, продолжая подпиливать ноготки, пристально посмотрела на Адзауро.

Социопат, вполне вольготно устроившийся на подобии дневной кровати, лишь насмешливо взглянул на меня, после чего вновь уделил все свое внимание потолку. Ну да, на потолке было чисто, в отличие от пола, на котором в живописном беспорядке валялись четыре из моих пяти шелковых халатов и десять метров плотного хлопкового пояса.

– Красный тебе идет, – не глядя на меня, произнес Адзауро.

– Сильно в этом сомневаюсь, как, впрочем, и в твоей вменяемости.

И, зашвырнув пилочку обратно в ванную, я, сложив руки на груди, начала с главного:

– Это что сейчас было?

Акихиро промолчал, все так же безразлично взирая на деревянные доски потолка.

Потрясающе!

– Ты вообще осознаешь, что твое вмешательство может стать причиной моего отлучения от рода Адзауро и, как следствие, ты останешься без охраны?!

Если и существовал человек, которому было совершенно плевать на собственную безопасность, то, похоже, я имела несчастье наблюдать его сейчас.

– Это очень здорово, что ты умеешь держать лицо в состоянии даже не невозмутимости, а абсолютной бесстрастности, но, Акихиро, как твоя невеста я могу сопровождать тебя там, куда ни твоя собственная честь, ни традиции Ятори не позволят пройти ни одному из твоих телохранителей. Ты об этом не подумал?

На красиво очерченных губах идеального социопата промелькнула загадочная улыбка, и он произнес:

– Мотылек, летящий в губительное пламя, не осознает, что погибнет. Он летит на свет, считая, что в этом его долг и его призвание. Маари, ты не мотылек, тебе стоило бы быть умнее.

И все тот же бесстрастный взгляд в потолок и улыбка, едва читающаяся на идеальном лице.

– Мм-м, – протянула я, – то печальное чувство, когда говоришь с идиотом.

Взгляд темных глаз мгновенно переместился на меня. Забавно, сейчас младший Адзауро опасным не выглядел вовсе – излишне ухоженный, почти изнеженный, с заботливо подчеркнутой красотой, идеальной кожей, тонкими пальцами нежных рук. Он казался слабаком. Высоким тощим дрищом практически, но этот взгляд… Порой казалось, что в теле слабака живет что-то действительное страшное. Жуткое настолько, что мне бы не хотелось столкнуться с этим чем-то в темноте ночи, когда мое собственное зрение может подвести… Впрочем, достаточно было вспомнить, с какой легкостью, даже не изменив дыхание, младший господин протащил меня по лестнице Хризантем, чтобы осознать, что в нем страшным был не только взгляд.

– Ты побледнела, – насмешливо констатировал Акихиро.

– Нет, это просто грим на лице на тон светлее моей кожи, – солгала, не моргнув глазом.

Адзауро поднялся и сел, все так же пристально глядя на меня, видимо, чтобы не пропустить реакцию на его следующую фразу:

– Птица, попавшая в сеть, выпорхнув в клетку, на краткий миг чувствует себя свободной. Но это ошибочное впечатление.

Приподняв бровь, скептически посмотрела на идеально психованного парня и уточнила:

– У тебя пунктик на летающих существах? Сначала мотылек, теперь птичка.

Акихиро улыбнулся.

Я же решила блеснуть своими знаниями яторийских пословиц и выдала:

– В деревне, где не пролетают птицы, и летучая мышь – орел.

Улыбаться младший господин прекратил.

– Объяснить, что я имела в виду? – язвительно поинтересовалась у него.

– А ты уверена, что стоит? – задал он встречный вопрос.

Я уже мало в чем была уверена, но кое-что сообщить этому психопату явно стоило:

– Малыш, – я намеренно его оскорбила, потому как уменьшительно-ласкательным обращением это не было, – на Ятори я работаю не одна. Так что ты или работаешь в паре со мной, или…

Продолжать не стала, кровожадно улыбнувшись.

Младший Адзауро чуть заметно прищурил глаза и неожиданно милостиво кивнул, выдав:

– Разрешаю пояснить.

Разрешает он.

Тяжело вздохнув, я развернулась, возвращаясь в ванную, и бросила через плечо:

– Я не мотылек, Чи-крошка, и не птичка в клетке. Я крыса в стае таких же крыс. А мы, крысы, всегда получаем то, что нам нужно. В смысле, – я сбросила халат на пол, закрывая дверь и закрываясь от внимательного взгляда, – проблему охраны тебя всегда ведь можно решить парочкой переломов ног. Или комой. На время, конечно, но сам понимаешь, приятного будет мало. Для тебя.

* * *

Пока смывала грим с лица, Слепой ломал коды доступа к охране уже самих Адзауро. Мы в принципе рассчитывали работать параллельно, действуя в рамках договора о ненападении, но кто со взломом к нам придет, тот попал сам.

К моменту, когда я избавилась от жутко прилипчивой помады на губах, Слепой уже захватил связь, и мне пришло одно короткое:

«Малый зал!»

Подключила визоры, перешла на режим наблюдения.

Малый зал именовался еще залом Цикад. Довольно мерзкие насекомые здесь поощрялись и даже подлежали охране и уважению за счет всего двух свойств – они смолкали, едва к ним приближался кто-либо, и… выведенные путем генетических мутаций, были способны глушить любую прослушку. А потому все важные разговоры Адзауро проходили в зале Цикад.

И, собственно, из-за этого записывать разговор не имело смысла: все, что я могла, – лишь попытаться идентифицировать произнесенное там.

Звук был увеличен до максимума, в голове зазвенело мгновенно, а в Малом зале сидящий с неестественно прямой спиной Адзауро-старший разъяренно прошипел:

– Раз, Акихиро. Всего раз. Ты использовал его напрасно.

«О чем речь?» Слепой тоже пытался подслушать, но этих и в разговоре один на один хрен поймешь, а сейчас я и вовсе не была уверена, что расслышала все слова правильно.

И я еще больше усомнилась в своих знаниях языка, едва услышала ответ Адзауро-младшего, присевшего на подоконник и забавляющегося с пытающейся сесть на его белоснежную перчатку бабочкой:

– Голодная собака палки не боится.

«Чего?» – слегка обалдел Слепой.

«Ну конфликт у них, вот чего», – ответила ему, вслушиваясь в происходящее далее и, откровенно говоря, находясь в стадии оглухления из-за непрерывного пения цикад, будь они неладны.

«Это я понял, что конфликт, я не понял с хрена ли?!» – выразил и мое непонимание напарник.

Между тем Адзауро-старший, который после слов младшего некоторое время дышал, гневно раздувая ноздри, произнес:

– Разве породистый пес, к чьим ногам падает любой цветок, может быть голоден?!

Чего?!

«Кей, они вообще о чем? Пес, цветы, голод? Где логика?» – Слепой явно психанул.

Я уже просто молчала, ощущая накатывающую мигрень и вслушиваясь в ответ Акихиро:

– Истинный ценитель никогда не пройдет мимо редкого цветка.

– А следовало бы! – прорычал дед.

И получил в ответ все тот же идиотизм:

– Голодная собака палки не боится.

«Да твою мать! При чем тут голодная шавка до цветов и в чем суть конфликта?! – возмутился Слепой. – Кей, я вообще правильно все перевел?!»

«Нестабильная плазма сие ведает», – мрачно ответила я.

Идея с устройством коматозного состояния для младшего Адзауро мне нравилась все больше. А что – выгодно со всех сторон, останется на месяц в поместье, под моим присмотром, недвижимый, безопасный, без закидонов и уклона в заповеди яторийского народа. Определенно шикарная идея.

И тут разговор деда с внуком завершился. В смысле, дед бы продолжил, но Адзауро-младший, наплевав на этикет и правила, взмахнул рукой, стряхивая с пальцев бабочку, и покинул зал Цикад.

«Нидерсенга не понял», – сообщил мне Слепой.

Собственно, я тоже.

Отключившись от визоров, я смыла всю косметику окончательно, переоделась, вернулась в комнату и только устроилась в длинной безразмерной майке на циновке, собираясь записать услышанное и, возможно, таким образом наконец весь этот бред осмыслить, как в двери постучали.

Далее, по своему обыкновению не ожидая, пока я скажу что-то вроде «войдите», дверь отъехала в стену, демонстрируя, что и так умеет, а не только открываться, две служанки, стоящие на коленях перед входом, поднялись, снова

вошли, опять сели на колени, поклонились и выдали:

– Младший господин объявил вас своей невестой, высоко оценив ваш танец вееров, младшая госпожа.

Я как-то сразу ощутила подвох во всем вот этом, жаль, не осознала весь размер этого подвоха.

– Вам предстоит визит в Храм Цветущих Лилий, – продолжили разом обе служанки.

То есть Хризантем им было мало…

– Старший господин приказал подготовить вас. Старший господин приказал передать, что вы высоко оцените прогулку по садам Цветущих Лилий. Младший господин вас уже ожидает.

Может, я ему сразу ноги переломаю? Ну так, чтобы избежать всяческих прогулок?

– Позвольте вас подготовить, – опять в унисон выдали служанки и поднялись.

* * *

Следующие полчаса я тихо офигевала. Обалдевала. Впадала в состояние шокированного созерцания происходящего. Недоумевала. Эпитетов можно было подобрать много, но едва ли все они могли отразить хоть часть того, что творили со мной.

Меня переодели.

Весьма странным даже для Ятори образом.

Для начала мне перетянули грудь. Очень туго, обмотав тканью собственно грудь, ну и следом за ней талию, лишив меня последней таким нехитрым образом. Я вообще всегда думала, что женская фигура типа «квадрат» нигде не

в моде, но, видимо, ошиблась. Затем последовала водолазка, скрывшая все ими навороченное, ну и заодно всю меня от подбородка до кончиков пальцев. Но это было не все, это они только начали!

На водолазку, обтянувшую визуально квадрат, надели рубашку с круглым воротом и подкладными плечами, которая вообще никому не могла бы пойти. Ну разве что шкафу. Или вешалке. Но не мне конкретно и не любой девушке в общем.

Потом поверх этого последовало черное платье на тонких лямочках, подчеркнувшее мою новую квадратообразную фигуру и свисавшее чуток ниже колен.

Но даже это было еще не все! После они принесли ботинки! Здоровенные, с высокой шнуровкой и толстой подошвой ботинки! Последние основательно дополнили образ мужеподобного квадрата, но не окончательно с точки зрения служанок. Потому как те в конечном итоге собрали мне волосы в неаккуратный пучок, сдобрив эту отвратную прическу изрядной долей серого геля.

Сказать, что я теперь выглядела мало привлекательно, – это ничего не сказать.

Но им и этого оказалось мало. Невыразительная серая помада на губы и серовато-белый тоник, придавший моему лицу нездоровый оттенок.

Еще утром я считала себя довольно хорошенькой. Не без изъянов, конечно, но так, в принципе… А вот то, что смотрело на меня из зеркала сейчас, было хуже даже той толстой прыщавой школьницы, коей я не так давно являлась.

И вот после всего этого эти две эскулапки мира моды отступили на шаг, оценивая ущерб своих действий, поклонились и сказали:

– Вы готовы, младшая госпожа.

Серьезно, что ли?!

«Кей, подогнали транспорт к выходу, тебя ждет Адзауро-младший. Походу, едете только ты и он», – сообщил мне Слепой.

Мне подали сумочку в окончательном добивании образа. Кирзовая суменция в половину меня размером идеально гармонировала с ботинками, на четыре размера больше моей ноги, так что…

– Супер! – констатировала я, оценивая этот жуть-стайл образ.

И, напялив на плечо сумку, точнее суменцию, я развернулась и покинула гордых своим маразмом прислужниц. Вопросы у меня, конечно, были, но я уже точно знала, что эти не ответят, а вот Адзауро может сказать хоть что-то, пусть и своим психопатическим завуалированным способом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/elena-zvyozdnaya/ya-tvoy-monstr

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити